AYLIK MECMUA

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ



ŞIMALÎ·KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ·КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD
NORTH CAUCASIA

№ 31 2-ci teşrin — 1936 — ноябрь № 31

İÇİNDEKİLER — СОДЕРЖАНИЕ

KALEM HAKKI VERİLMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

„ŞİMALÎ KAFKASYA"
MECMUASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl
Avrupanın her memleketinde . . .	0,75 dol.	1,5 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada.	1 dol.	2 dol.

Tek nushası 3 transiz frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağiki adresine gönderilmelidir: Odyńca 35
Warszawa 12, Pologne.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ
„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ" СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес	на год.
Во всех странах Европы	0,75 долл.	1,5 долл.
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки . . .	1 долл.	2 долл

Цена отдельного номера 3 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: Odyńca 35[a]
Warszawa 12, Pologne.

ŞİMALÎ ◆ KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ ◆ КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD | ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА | NORTH CAUCASIA

№ 31 — 2-ci TEŞRİN — 1936 — НОЯБРЬ — № 31



ÇERKES SİPAHİSİ
Leh ressamı Al. Orlovski'nin (1777 — 1832) tablosu.

ЧЕРКЕССКИЙ НАЕЗДНИК
карт. польского художника Ал. Орловского (1777 — 1832).

Tebo Kartsati

Uzak Sark'taki ihtilâfın mahiyeti

Mançurya-Sovyet hududunda bir müddet evel atılan tüfekler ve düşen ölüler, Uzak-Şarktaki vaziyetin eskisi gibi gergin olduğunu bir daha teyid etmektedir. Buradaki vaziyet son yıllarda katiyen bir degişiklik göstermemiş ve nippon — rus münasebatına istikrar vermek ve barış havası yaratmak yolunda yapılan her türlü denemeler hiç bir netice vermemiştir. Amur ve Arguni sahillerindeki sükûnete itimad edilemiyecegine ve dünyada, eger kendinde bir harb tehlikesi gizliyen bir hudud varsa, o hududun ilk sırada Krantun ve Uzak Şark ordusu kısımlarını ayıran hudud boyu hattından ibaret olduğuna bir daha kani olmak imkânını elde ettik.

Uzak Şarkta senelerdenberi daimî bir ihtilâf halinde bulunan dinamik kuvvetlerden biri, digerini değil yalnız mağlub, hatta imha edinceye kadar, vaziyette bir degişiklik hüsule gelmiyecektir.

Şimali-Şarkî Asya'da sulh ve asayiş ancak, ya Nippon'un geri atılarak metropoliya adalarına çekilmesi yahud da milletler mahbesi hudutlarının Baykal ötesine dayanmasile mümkündür. Asya ülkesinin bu kısmında muvakkatı tedbirlerle hiç bir şey yapılamıyacağı gibi, hiç bir kimseyi de uzlaştırmak kabil degildir. Tarafeynin menafii bir birine oldukca fazla ziddiyet gösterdigi için burada kati bir müsademe muhakkaktır.

İhtilâf, hali hazırdaki merhalesinde, nizam ve bir nevi konustruktivizmin inhilâl ve ihtilâl amillerile mücadelesi şeklini almaktadır. Zıddiyetin bir nevi metafizik sebebini teşkil eden bu cihet, ayrılığın ne derece derin ve müsademenin muhakkak olduğunu daha sarahatle göstermektedir.

Muazzam bir emperatorluk yaratmak ve Panaziya şiarlarına göre asya ölkesinde nizam ve asayiş vücude getirmek maksadını güden ve gittikce inkişaf eden nippon mesianizmi — nipponizm yanı başında, bu ülkeyi anarşistleştirmege çalışan ve müşterek beşerî kültür kıymetlerini ve nizam, medeniyet esaslarını zorla tahrib etmek işi için buradan istifadeyi güden bir kuvvete tahammül edemez.

Nippon emperyalizminin birleştirici ideolojisi, bozucu komünizm ideolojisini temamen redettigi için bu işde her hangi bir müsamehe, devamlı uzlaşma ve her iki tarafı kâfî derecede memnun bıraka bilecek koca asya topraklarını nufuz mintakalarına ayırma bahis mevzuu olamaz.

Muhasim kuvvetlerin her ikisi de Asya'da hegemoni teminine degil, bu koca ülkede kendine münasib bir ruhda esasli degişiklikler yapa bilecek bir vaziyet elde etmege gayret etmektedirler.

Fikrimizce, nippon—sovyet harbini âmir bulunan tarihî sebeblerin terkibi hülaseten bu manzarayi arz etmektedir. Yalnız, tarafeyinden birisi, kendi ruhunun en kıymetli mahsulundan, tarihî mukadderatının esası olan şeyden, tarihdeki hikmeti vücudundan vaz geçtiği takdirdedirki, bu harbden kaçınıla bilir. Her iki tarafın da böyle bir fedakârlıkta bulunacağına imkân tasavvur etmek zordur.

Yukarıdanberi gözden geçirdiğimiz ihtilafın baş sebebinden başka, zıddiyeti derinleştiren daha bir sıra amiller dahi mevcuddur.

Bu âmiller meyanına, ilk sırada Nippon'un iktisadî vaziyetındeki sıkıntısı dahil edile bilir. Nippon, muazzam emperatorluk mes'elelerini halle başlarken, kendi fikrinin tahakkuku için hiç şüphesiz maddî bir baz elde etmek, yurdunun fazla ehalisini alacak eraziye ve ham mal ihtiyatına sahib olmak mecburiyeti karşısındadır. Nippon, bütün bunları ehalice kesif olmıyan, medeniyetce geri, fakat buna mukabil hesabsız ham mal ihtiyatına ve ölçüsüz eraziye malik bulunan Şimalî—Şarki Asya'da bula bilir. Nippon, S. S. S. R in asya erazisi yahud da sovyet siyasetinin nüfuzu altında bulunan hudud boyu erazisinde mevcud imkânları, Asya'nın hiç bir kısmında bulamaz.

Nippon'un Çin işine müdahelesi ise her zaman tekerrür edecektir. Fakat, şunu nazardan kaçırmamalı ki, bu müdahele çin alemini, çin tarihinde bir çok misallerini gördügümüz vechile bilahere bu alem içeresinde erimek için yutmak arzusundan ileri gelmiyor. Çin işine müdahele, Çin'i nizam ve asayiş altına almak ve onu kendi maksadı için istifade etmek, en mühimi ise, kat'i müsademenin vuku bulacağı erazı ardında düşman S. S. S. R. ve komünizme muti ve tabi gizli bir kuvvet kaynağının bulunmasına imkân vermemek ihtiyacından ileri gelmektedir.

Nippon'un Şimalî Çini „iktisaden benimsemek" niyetini, ayni suretle, Australya, Filipin, Cenubî Çin, Malay adalarına kadar yol bulan nippon dömpingini, Nippon'un muazzam bir devlet haline gelmesini icab ettiren esaslardan ayırmak imkansızdır. Çünkü bütün bunlar Okyanosdaki rakiblere aleyhine müteveccih siyasî oyundan başka bir şey degillerdir. Bu rakiblerin Okyanosun cenubi—şarkî kısmındaki menafilerinin tehlike altında bulunuşu, onları Şimalî—Şarkî Asya mukadderatı hall edilirken büyük bir fedakârlıkta bulunmak mecburiyetinde bırakacaktır.

Cunubdaki parlak istikbalın serabi hatırı için, Nippon bütün etrafındakilerle açık ihtilâf haline gelmekten uzak bulunacak ve kendi siyasî, iktisadî kudretinin tükenmez kaynağı ola bilecek asya ülkesinde muvaffakıyetle ilerilemek işinden vaz geçmiyecektir.

Nippon ictimaî mehafilinde Sovyetlerle mücadele lüzûmunu takviye eden amillerden birisi de S. S. S. R. dahilinde cereyan eden millî hareketler, başka tabirle, promete cephesi hareketidır.

Uzak Şarktaki siyasî vaziyeti dogrudan dogruya müşahede, bize şunu söylemek hakkını veriyorki, nippon siyasîlerinin emperatorluk hesabında bu hareketlerin mühim bir yeri vardır. Çünkü sovyet milletler mahbesinin komşu hudutlarında, mahellerde bu millî hareketler oldukca kuvvetli ve canlıdır.

Nippon Rusya mahkûmu milletlerin, bahusus ve ilk hamlede kan itibarile kendisine yakın olan milletlerin kurtuluş hamlelerini temamen samimî ve tam mes'uliyeti müdrik siyasî bir realizm ile hesaba katıyor ve sarı irka mensub milletlerin Nipponu bir hâmi ve halâskâr gibi görmelerine gayret ediyor.

Bunu isbat için, vuku bulmuş bir sıra panasya kongralarını zikr etmek kâfidir.

Nippon şuurlu olarak sarı ırka mensub milletlerin halâsına ve bunlardan her hususta uzlaşmış bir aile vücude getirmege çalışıyor. Öylę bir aile ki, orada gegemon—siyasî, manevî gegemon rolu ancak Nippona aid olacaktır. Nippon, Asyayi millî bir veche ile normal bir şekle sokuyor ve asya milletleri arasında promete idealını kuvvetlendiriyor.

Nihayet, emperatorluğun emniyet ve selameti, Okyanos sahillerindeki rus hakimiyetinin imhasını âmirdir. Vladivostok ve Primor rus elinde kaldığı müddetce, değil yalnız mançur—mogol erazisi, hatta nippon adalarının da emniyeti tehlike altında bulunacaktır. Unutmamalı ki, emperatorluğun hükûmet merkezi ve az çok mühim sanayi ve askerî merkezleri, bazı Primor mıntakasında bulunan sovyet hava filosunun az bir müddette katedebilecegi bir mesafede bulunmaktadır. Bu şerait içeresinde, sırf basit bir kendi kendini koruma hissi, Nipponu degil yalnız Koreya ve Mançurya, hatta kendi yurdunda bile tehlike altında bulunan pozisyonlarını düşünmek ve tehlikeyi bertaraf etmek mecburiyeti karşısında bırakıyor.

İşte, Nipponla Rusya arasındaki, müsademeyi muhakkak kılan esas ve mühim sebebler hülaseten bunlardan ibarettir.

Binaenaleyh, Uzak Şarkta olğun bir hale gelmiş ve gittikce keskinleşen zıddiyet ve ihtilafın barış yolu ile halli ihtimalini bir tarafa bırakalım ve önüne geçilemiyecek hadisenin neticesini sabırla bekliyelim. Muhtemel harb yangını milletler mahbesinin duvarlarını çökttürecek ve Vatanımıza hürriyet bahşedecektir. Bu cihet, sempatimizim kimin tarafında olacağını ve öldürücü ihtilâf esnasında kime hakıkî yardımda bulunacağımızı şimdiden tayin etse gerektir.

16 Eylûl 1936
Harbin

B. Bilatti

Kominternin yeni taktiki

Komiternin son kongresi demek olur, ki nazari dikkatı celbetmeden geçti. Kongre delegelerinin provakasyon mahiyetli çıkışlarına karşı vaki bir kaç devletin Moskvada protestolarile gündelik gazetelerin hepsinde bile çıkmıyan kısa gazete haberleri nazara alınmazsa, kongrenin bu çok mühim faaliyeti, ayrı-ayrı devletlerin resmî mahafili ile dünya efkâri umumiyesinin hayret verici bir alakasızlığı ve lakaydliği içerisinde cereyan etti.

Sovyet diplomasisinin ince oyunu ile uyumuş olan dünya efkâri umumiyesi kongreye ciddî ehemmiyet vermedi ve onun faaliyetini öğrenmek lüzumunu hissetmedi. Dünya, sovyet hükûmetinin Milletler Cemiyetine girişi ve Litvinofun barış hakkındaki vaidları tesiri altında bulunuyordu. Moskva parasile intişar eden sovyetofil matbuatın adım-adım, meharetle ve sistematik bir surette yaptığı propaganda kendi işini gördü. SSSR de „derin degişmeler", „rejimin demokratlaşması", „sağa doğru ideolojik dönüş", v. s. gibi yalan propagandalar neticesinde dünya efkâri umumiyesi kominternin son kongresine hiç bir praktik ehemmiyet vermedi.

Halbuki şahidi bulunduğumuz bugünkü hadiselerin inkişafına bu kongrenin çok esaslı tesiri olduğunu görüyoruz. Şimdi herkes kabul etmelidir, ki Kominternin 7 nci kongresinde alınan kararlar boş sözden ibaret olmamıştır. Kongreyi temin eden, çağıran ve yeni taktikinin esaslarını tayin eden Moskva real maksadlar takib etmiş ve başka memleketlerdeki komünist fırkalarından ibaret memurlarını degişen yeni şeraite uydurmak istemiştir. Kominternin yeni taktiki geçen yılların faaliyet praktikini, muhtelif memleketlerdeki, bilhassa Almanyadaki komünist teşkilatlarının maglubiyet ve muvaffakiyetsizliklerini esaslı surette tahlilden doğmuştur. Yapılan esaslı ve, itiraf etmelidir, münsifane tahliller mağlubiyet ve hezimetlerin tesellibahş olmıyan tablosunu meydana koymuştur.

Cihan inkılâbı gelişinin üç merhalesi hakkında Leninin vaz'ettiği nazariyenin hayatî olmadığı anlaşılmıştı. Cihan, komünist doktrininin dağıtıcı kuvvetine karşı çareler bula bildi.

Liberal-kapitalist devrinin ideolojik temelleri çöken yerlerde bu sistemin yerini, onu yıkan komünizm değil, komünizme amansız savaş ilan etmiş olan dinamik bir kuvvet işgal ediyordu. Cihan ihtilâli şiarına karşı milletlerin millî ihtilâlî şiarı vaz'olundu. Bu şiar komünizmi her yerde, şiddetli mukavemete ragmen, işgal ettiği pozisyonundan çıkarıb attı. Bunun neticesinde cihan ihtilâli planına yeniden bakmak zamanının geldiğine kanaat hasıl edildi. Bu mes'eleyi de geçen yıl Moskvada devam eden kominternin 7 nci kongresi halletti. Kongrede söylenen sözler yanlışlıklarla, teoretik formullar ve hayattan uzak kararlarla vuruşmaktan ibaret idi. Buna da ruh veren Stalinin emirberi — „kominternin dümençisi" Dmitrof idi.

13 Ağustostaki nutkunda Dmitrof demişti, ki:

„Hayatın hakikî hadiselerine olduğu gibi yaklaşamıyan fikren tenbel bâzi yoldaşlar hakikî vaz'iyeti ve sınfî kuvvetlerin münasebetlerini dikkatle ve esaslı surette öğrenmek yerine hiç bir mâna ifade etmiyen umumî formullarla iktifa ediyorlar. Onlar isabetli atıcıları—snayperleri değil, atışları hiç bir zaman isabet etmiyenlari hatırlatıyorlar."

Dmitrof „kendine güvenen caniyane sektantlık" aleyhinde dahi sert çıkışta bulunmuştur. Bir çok deleğelerin iddialerine göre bu gibilerin günahi daha büyük olmuş ve komünist propagandası işine daha çok fena tesir icra etmiştir. Dmitrofa göre „kendine güvenen sektantlık" komünist fırkasını „korkulu tecride" kadar, „feci teklige" kadar götürdü. Bu hal komünist fırkasının mağlubiyetini mucib olan sebeblerden, birini teşkil eder. İşte, bu vaz'iyeti idrak neticesindedir, ki Leninin „ihtilâlçı akalliyet" konsepsyonunu avez eden „vahid cephe" konsepsyonu meydana geldi.

Fakat, „vahid cepheler" kendi kendiliklerinden bir gaye teşkil etmezler. Bunlar yalnız birer vasıtadan ibarettir. Bu vasıtaların gayesi bütün dünyada rus—sovyet hakimiyetini kurmaktan ibaret olan cihan inkılâbi ve komünist fırkasının şahsında proletar diktatorluğudur.

„Vahid cepheler" mümkün olduğu kadar, milliyetçilik aleyhinde istifade edilebilecek ve bolşevizmin zaferine mâni ola bilecek anti faşist bütün kuvvetleri ihate ede bilmelidir.

Bütün sosyalist fırkaları, amele birlikleri, burjua liberal fırkaları, bâzi hallerde hatta dinî teşkilatlar (Almanyada kotolikler, Şarkta müslümanlar) komintern ve Moskva idaresi altında „burjua demokrasisinin kalkılarını korumak, müstemlike ve yarım müstemlike olan memleketlerde antiimperyalist halk cephesi yaratmak için birleşmeli (kongrenin kararında 4 ncü madde), rus demokrasisinin tecrübelerini tekrarlamalı ve kendi ellerile bütün dünyada komünizmin zaferini hazırlamalıdır.

İş bununla bitmiyor. Komünistler faşist teşkilatlarına da girmelidirler.

Dmitrof kongredeki nutkunda demiştir, ki: „Faşizmi, kendi teşkilatına toplamış olduğu kitlelerin yardımile vurmalıdır. Duvarlarile kendi rejimini muhafaza etmeğe çalıştığı bu faşizm kalesine girmemiz lâzımdır. Fakat, bunun için faaliyetimizin mahiyet ve metodunu degişmemiz, faşist demogojisini meharetle istifade etmemiz, kitle ile anladığı dilde konuşub anlayacagı şiarlar vaz'etmemiz icabeder."

Gördügumüz gibi, marksist şiarlarının ideolojik zaifliğini itiraf eden Dmitrof geniş surette provakasyon tatbikini teklif ediyor ve milliyetçi teşkilatları içeriden dagıtmak için bu teşkilatların içine sokulmayı ve faşist şiarlarını kullanmayı tavsiye ediyor.

Bu taktik beynelmilel komünist gencler birliginin 1935 in İlk Teşrininde Moskvada devam eden 6 nci kongresi de kaydetmiştir. Mezkûr kengrede kabul edilen rezolusyonda denilmiştir, ki:

„Genc amelenin ihtiyac ve istegine muvafik şiarlar vaz'eden faşizme karşı her yerde bu vaidların hemen yerine yetirilmesini taleb etmeyi gencliğe teklif etmeli ve bu şiarların hayata geçirilmesi ugrunda geniş kitlevi şavaş yürütmeliyiz".

Ve bir az sonra da:

„Gencligi faşizmle mücadeleye sevketmek için öyle yapmalıdır, ki genclik faşizmin vad ettiklerinin ifasını inatla istesin".

Karar kominternin 7 nci kongresinde kabul edilen „vahid cephe" konsepsyonununu ifade etmektedir. „Demokratik, liberal, radikal genclik grupları hükûmete muhalif olan memleketlerde" hükûmet aleyhinde o gencler̄le birlikte hareket etmek teklif olunuyor ve bu gibi memleketlere misal olmak üzre Lehistan, Yugoslavya, Bulgaristan. Avusturya ve başkaları gösterilmektedir.

Dagıtılmış Almanya komünist fırkasının 1935 in İlk Teşrininde Brükselde devam eden kongresinde alınan kararda dahi kominternin yeni taktikini görüyoruz. Alınmış kararde deniliyor, ki:

„Biz komünistler, kendi teşkilatlarının istiklâlini istiyen katolik muhalifetinin tarafındayız. Biz, tesviye edilmiş "Ştalhelm„in köylü ve şehir kitleleri tarafındayız. („Rundschau" № 75).

Bu suretle „vahid cephe" en mürteci teşkilatları bile ihtiva etmelidir. Bir müddet daha evvel ayni gazete („Rundschau" № 69) yazıyordu, ki: „Biz komünistler, genc katoliklerin, din ve teşkilat hürriyetlerinin tahdidine karşı yaptıkları kuvvetli mukavemeti, gencligin demokratik hakları ve hürriyetleri uğrunda yapılan savaşın bir hissesi addediyoruz".

Kominternin bu „katolikofil" taktiki, kendi içerisinde dinî teşkilatları meydandan kaldırmış olan ve allahsızlar cemiyetine revac veren Moskvanın iki yüzlü siyasetini ifşaya kâfidir.

İtiraf etmeliyiz, ki kominternin yeni taktiki Moskvanın tarhibkâr faaliyetini hayli kuvvetlendirmış oldu. Silahlı kıyamlar (Brezilya, Yunanistan v. s. gibi memleketlerde), geniş ve kanlı nümayişler (Lehistan, Fransa, Belcıka, Yugoslavya ve başka yerlerde) Moskvanın faaliyeti mahsuludır.

Kominternin yeni taktiki kendisini açık surette İspanyada gösterdi. Burada temamile tatbik edilmiş olan bu taktik nihayet memleketi dahilî harba sürükledi.

Şayani dikkattır, ki kominternin 7 nci kongresi, dahili harb da dahil olmak üzre, İspanya hadiselerini bütün teferrüatı ile önceden haber vermişti. İspanya komünist fırkası delegesi Garsia nutkunda, yalnız „vahid cephe" teşkil edileceğini değil, intihabatta bu cephenin binbir hiyle neticesi olan zaferini de haber vermişti. O vatandaş harbini dahi bildirmişti. Nutkunun sonunda demişti, ki: „biz kitleleri, en yakın bir zamanda, komünist fırkasının rehbarligi altında İspanyada muzaffer oktobre hazırlıyoruz."

Moskva altını kandi işini gördü: İspanyada „vahid cephe" yarattıktan sonra intihabatta onun zaferini dahi temin etti ve bir çok kanlı igtişaşlar tertib etmek suretile memleketi dahilî harba sürükledi.

Fakat, İspanya milleti vaktında kendisine gele bildi ve darbaya mukabil darba ile cevab vermek kudretini bulmağa muvaffak oldu.

Komintern ile anti-komintern mücadelesinde İspanya hadiselelerinin büyük ehemiyeti vardır. Bu hadiseler, dünyanın yalnız nazarî değil, filen dahi birbirini çekemiyen ve birbirini rededen iki düşman cepheye ayrıla bileceği imkânını isbat eder. Bu imkânda komintern faaliyetinin ve onun 7 nci kongresinde sovyet devletinin resmî mümessillerinin idaresi altında tesbit edilen yeni taktikinin bir neticesidir.

V. Kavtaradze

Ne olmuştu ve ne oluyor

Vatanımızın istiklâlını, ana ocaklarımızı ve ailelerimizi kaybettigimiz günden, şimdi epeyi bir müddet geçmiştir. Dünyanın her tarafına dağılmış bizler, şimdi kaybettigimiz şeyi geri almak imkânı üzerinde kafa yoruyoruz. Mecburen bulunduğumuz gurbette bir çok şeyler gördük, görüyoruz ve muhtelif taktik kombinezonlar vücude getirmekle ugraşıyoruz. İnsanlar, şimdiki siyasî vaziyetimizin çıkmazından kurtulmak için yollar arıyor ve kombenezonlar düşünüyorlar. Bu düşünce mahsulu projeler degil yalnız bugünkü vaziyeti, hatta istikbali bile ihate etmektedir.

Umumiyetle, göya bir şeyler yapılıyor: teşkilatlar vücude geliyor; daha çoktan imza edilmesi icab eden muahedeler imzalanıyor; protestolar yapılıyor, kararlar alınıyor ve nihayet ara sıra muhtelif mahiyette aktif çıkışlarda bulunuluyor.

Fakat bütün bunlar üzerinde bir cihet hakimdir: her hangi bir karar verirken, her hangi bir iş yaparken biz bir şeyler bekliyor ve kime ise ümid bağlıyoruz. Bu „bir şeyler" ve „kim ise" bizim yurtlarımıza dönmemizi temin edecekmiş. Bu yapılırken kimse bu „bir şeyler" in neden ibaret olduğunu ve „kimise" nin arkasında kimin saklandığını doğru olarak tasavvur edemiyor.

Aydın olan bir şey varsa o da, bu „bir şeyler" in bizde olmadığı ve „kim ise" nin bizden ve milletlerimizdan ibaret olmadığıdır. Bir sözle, mukadderatımız ve istikbalımız bizde ve milletimizde değil, nerdeise bir mücerred alemde saklıdır. Eskide de böyle idi, maalesef şimdi de öyledir.

Bu şayani hayret haleti ruhiye, ancak kendi kuvvetine iman yokluğu ile izah edilebilir. Zira, imansızlık, tereddüdü doğuruyor ve bu tereddüd de yardım ve müzahereti başkalarında aramak mecburiyetini hüsûle getiriyor. Kendi kuvvetine iman etmezken çoğumuz ademi muvaffakıyetın sebeblerini kendi dışında subjektiv imkânlarımız haricinde aramağa mütemayil görünmektedir.

Hemen hemen her kafkasyalı, bahtsızlığımızın kaynağını objektiv şerait ve sebeblerde mesala, coğrafî vaziyetimiz, sayca azlığımız, milletlerimiz arasındaki dinî ve ırkî ayrılık v. s de görmektedir.

Hiç şüphesiz, bütün bu dış sebeblerin milletlerin hayatında büyük rolu olmuştur. Fakat tam sebeb sırf buna atfedilemez, milletlerin mukadderatını yalnız dış şerait haletmiyor. Dünyada, coğrafî şerait, dinî ve ırkî ayrılık sayca azlık bakımından kafkasya milletlerinden daha namüsaid bir vaziyette yaşıyan milletler yok degildir Vaziyetleri böyle iken, bu milletler, ötedenberi bir devlet kurmuş yaşıyor ve beynelmilel haytın ziddiyetleri arasında iyi bir muvazene teminile tutunmak istidadını gösteriyorlar.

Demek oluyorki, Kafkasya'nın yakın geçmişteki mukadderatında coğrafya ve emellerimize göya engel ola gelmiş sair objektif şerait pek te kat'i bir rol oynamış değildir. Geniş halk kütlesinin müstakil devlet hayatı için lazım olan hazırlıktan—tekniki manasında—mahrum oluşuna dahi kat'i bir rol izafe edilemez. Bunu isbat için, Bulgaristan misalını zikredebilirizki müstakil hayat arifesinde iken yüksek tahsil görmüş adamlarının sayı 20-iyi geçmiyordu. Kütle ise, müstakıl hayata, uzun zaman süren türk hakimiyeti altında edinmiş oldukları kültür seviyesile giriyordu.

Muvaffakıyetsizligimizin sebebini daha ziyade, idare mevkiinde bulunan başların ekseriyetinde icab eden devleti—yaratıcı insiyakın mevcud olmamasında, bu adamların uzak görenlik, intibak hissinden mahrum olarak kendi - kafkasya—imkânlarını hesaba katmamasında aramak lazımdır.

Çoğumuz, tarihimizin bize gösterdiği hakıkatleri sevmiyor ve bunları ihmal ediyor. Geçmişin tecrübe ve derslerinden istifade etmegi becermiyoruz.

Hatta aramızda, tarihî hakıkatleri gizletmege, yahud bunları tahrif edilmiş şekilde göstermeğe gayret edenler de yok degildir.

Evet, iyi anlıyoruzki, bazi ahvalde tarihî vak'aleri muayyen bir bakıştan tenvir etmek caiz hatta lazımdır. İstikbal, bu vak'alerin uydurma tefsiri üzerinde kurulamaz. Nasılki, kendi kendini reklam için tarihî vak'aler de tahrif edilmez. İlmi bir bitaraflık taşımıyan neticeler, sağlam bir netice sayılamaz ve ayni suretle, vak'a ve delillerle teyid edilemiyen bir ilim de, ilim değil dogmat (nas) olur. Hayatî iş ve münasebetlerde dogmalarla hareket etmek de her vakıt muvaffakıyetsizlik ve inkisari hayala götürür.

Çoğumuz, tarihî muvaffakıyetsizligimizin sebebinden bahs ederken, bunu komşularımızın ayrı ayrılıkta yahut hepsinin bir arada işlemiş olduğu kabahata yükletiyor. Şahsî sempati ve antipati hislerinin tesirile biri Rusya'yi, digeri Türkiye ve İranı bir üçüncüsüde ayni derecede bütün bu devletleri bir arada kabahatlı buluyor. Bunu yaparken hepimiz şunu unutuyoruz ki, daha 700 sene evvel Kafkasya tek bir vücud halinde idi ve hürriyetine yapılan her türlü tecavüzlere zaferle karşı koyuyordu. Bu hayırlı vahdeti bozanları ve gelecek nesillerin mukadderatını unutarak dinî, millî v. s. antogonizmilerin esasını tesis edenleri itham etmeğe cesaretimiz kâfi gelmiyor.

Hiç kimse asırlar müddetince bu antogonizme karşı sistematik bir savaş açmamış, kimse bu antogonizmi daha rüşeym halinde iken mahv etmege ve bu suretle ileride inkişaf ve büyümesine mani olmağa çalışmamıştır. Bilakis, hariçten himaye gören ve dahilde de bir engele rastlamıyan bu antogonizm inkişaf ederek derinleşmiş ve neticede kafkasya muhiti içerisine karşılıklı itimatsızlık ve hüsûmet unsurları sokmuştur.

Rusya'nın topraklarımız üzerindeki bir asirden fazla hakimiyeti dahi bize bir ders olmamıştır. Eskide olduğu gibi bugün de biz istiklâlımıza düşman kuvvetlerin tesiri altına giriyoruz. Eskiden nifak zehiri, bozgunculuk bize başlıca olarak cenuptan geliyordusa, şimdi bu parçalama ve ayırma esasen şimalden geliyor. Millî vücudlarımızı zehirliyen bakteriler şimalde besleniyor. Kosmopolit nihilizm ve enternasyonalizm, sosyalistik akidecilik ve yalancı liberallık, marksizm ideolojisı ve sınıflar arasında millî mücadeleyi körükleyen (Kafkasya'da millî hüsumeti körükleyen çar ve bolşevik provakasyonunun tarihi) sınıf mücadelesi, nihayet Rusyanın emperatorluk zihniyeti ve tek sovyet

milleti idesi — hep bize şimalden gelmiş ve ecnebi ajanlarının elile kuvvet bulmuştur. Bununla beraber, panislamizm, panhiristiyanizm v. s. gibi real hayatta kıymetsizligini göstermiş olan eski ideoloji bakıyelerinin de tesiri hala muhafaza edilmektedir. Bütün bunlara karşı icab eden aksi hareketi yapamıyoruz. Bilakis çok vakıt kendimiz bize düşman olan kuvvetlere alet oluyor, onların zararlı faaliyetler rini kolaylaştırıyor, bizi inhilâle götürmek, eski kültür kıymetlerimizi ortadan kaldırmak ve millî „Benliğimizi" imha için yaptıkları işe yardım ediyoruz.

Yakın geçmişteki facıamızın, bütün bahtsızlığımızın esas sebebi işte bu—ancak bu vaziyettir. 1917 den evvel Kafkasya'da kimsenin hakıkî manasile istiklâl denilen şey hakkında bir şey düşünmedigi ve bittab buna hazırlanmadığı, kütleyi hazırlamadığı ancak bununla izah edile bilir. Bu şerait içerisinde, şahid olduğumuz neticeden başka bir netice elde etmek imkâni varmı idi? Geşmişten ders almadığımız ve ecdadımızı kendimize örnek edinmedığimiz için dirki tekrar istiklâlımızın kırık teknesi başında bulunduk.

Müstakıl devletî—siyasî bir mevcudiyet göstermek için, muayyen tarihî ve harsî ananelerle hayat birligi v. s. ile biri birine bağlı bulunan aşağı yukarı yekpâre bir halkla meskûn muayyen coğrafî bir kıtaya sahib olmak kâfi degildir. Bütün bunlardan maada, kütlenin devletî—kurucu ruhda terbiye edilmesi, bunların millî içtimaî, vatandaşlık disiplinini benimsemesi ve nihayet kendi millî emellerinin fayda ve son hedefini şuurlu ve sağlam olarak müdrik bulunmaları elzemdir. Bütün bu kütle de muktedir millî bir idarenin altında bulunmalıdır.

Buna ancak „şu cihetleri şuurlu olarak anladığımız zaman muvaffak olabiliriz. Kafkasya cumhuriyetlerinden her birinin ayrı ayrılıkta istiklâlı ancak tekmil Kafkasya'nın istiklâlı dahilinde mümkündür; Kafkasya istiklâl yolu üzerinde millî ve parti kavğalarına yer yoktur ve mücadelemizde geçmişin tacrübelerinden ve Kafkasya hayatından mülhem olacağız. Ana Kafkasya erazisi ve kafkasya imkânları haricinde bize halâs yoktur. Her şeyden evvel kendi kuvvetlerimize iman etmeli ve muvaffakıyetsizlik zuhurunda her şeyden evvel kabahatı kendimizde görmeliyiz. Hatalarımızı anlamak doğru bir yol üzerinde yürümemize yardım edecek ve bizi ismi Müstakil Konfederatif Kafkasya olan müşterek ve parlak bir istikbale götürmege yarıyacaktır.

Adige

Onaltıların muhakemesinden sonra

İki yıl bundan evvel, Kirofun katli hadisesini tetkik ederken çıkardığımız neticeleri bu sözlerle bitirmiştik:*)

Katlin yarattığı panik, komünist fırkasını içinden gemiren kuvvetlerin hiç de Avrupadaki bolşevizm dostlarının iddia ettikleri kadar az ve zaif olmadıklarını bir defa daha isbat etmiş oldu.

Sovyetlerin başında duranlar birbirini imha etmek yoluna girmişlerdır ve bu hareketi ne likvide etmek mümkündür, ne de önüne geçmek, çünkü fırka kitlesi içinde Stalin aleyhdarlığı çok derin kök salmıştır".

Moskvadaki Ağustos muhakemesi tahminlerimizde ne kadar haklı olduğumuzu ve hadiselerin tasavvur ettigimiz mecrada inkişaf ettiğini isbat etmiş oldu.

Kanlı bir netice ile biten Zinovyef ve arkadaşlarının muhakemesi, (Stalinin tek başına idare etmek istemesine bakmıyarak) çok başlı sovyet Olimpinde yalnız ihtilafın varlığını değil, bu ihtilafın doldurulması mümkün olmıyan derinliğini dahi meydana çıkardı.

Komünist fırkasının başında duranlar ve bu fırkaya mensub geniş kitleler arasında kuvvetli muhalefet mevcud olduğu dahi, muhakeme ile bir zamana tesadüf eden umumî tevkifler ve yeni temizlemelerle sabit oldu.

Muhakemenin ve onun etrafında yaratılan şeraitin kendisinde bir çok karakteristik cihetler tesbit etmek mümkündür. Bunlardan biri maznunlalın ve hakimlerin hareketidir, ki yalnız sabik „rehberlerin" hiçliğını değil, bolşevizmin günden güne artan sukutunu ve tereddisini dahi aşikâr olarak nümayiş ettirdi.

Daha düne kadar müthiş „rehber, olan, ölüme binlerle günahsız insan gönderen, kahramanlık ve inkılâb yılmazlığı hâlelerile bürünmüş olan maznunların (istisnasız olarak hepsi, 16 sı da) hakikatta korkaktan başka bir şey olmadıkları anlaşıldı. Onlardan kimse ehemmiyetsiz bir ölçüde bile olsun metanet ve teper gösteremedi

Mahkeme uzuvları, hakimler—„rehberler" den daha eyi bir vaz'iyette olmadılar. Hakimiyet ve mevki savaşında muzaffer çıkan bunlar sabik arkadaşlarını alçaklıgın, insan sukutunun en aşağı derecesine indirmekten çekinmediler.

İlave etmek lazımdır, ki geçmiş „gösteriş muhakemeleri" gibi bu muhakeme de terbiyevî bir maksad güdüyordu, bu çirkin ve karanlık oyun pedagoji gayelerle uydurulmuştu.

Fakat, muhakemenin başlıca hususiyeti yalnız bunlardan ibaret değildir. Bızim için bu muhakemeyi icab ettiren sebebi bilmek daha çok lazımdır. Bu işte, bizce, Moskvanın muhakeme için intihab ettiği vakit dahi şayani dikkattır.

Zannımızca herkes vaktin Sovyet Rusya için hiç de muvafik olmadığını kabul eder.

Çünkü dunyanın sovyet tahsisatile yaşamiyan ve komintern faaliyetile bağlı bulunmıyan mahafilinde bu mahkemenin çok fena tesir yapacağını evvelceden kestirerek muhakemeye başlanamazdı. „Vahid cephenin" hararetli bir devrinde, „en demokratik" konstitusyondan bahsedildiği bir zamanda, „dünya demokrasisinin" teveccühünü kazanmak için can attıkları ve İspanya oyununu muvaffakiyetle başarmağa çalıştıkları bir anda böyle bir muhakeme yapılması doğru değildi.

Bütün bu müsaidsizliğe ragmen Stalin ve etrafın-

*) „Ş. K." № 8 İlk Kânun 1934.

dakiler bu muhakemeye karar vermişler ise, söz yoktur, ki onları dahilî pek mühim sebebler icbar etmiştir. Bu dahilî sebeblerin mahiyeti nedir?

Buna yazımızın başında esas itibarile cavab verilmiştir: bu sebeb fırka başçıları arasında derin ihtilaflar ve az—çok açık adavetten ibarettir.

Fakat, mahkûmları Stalin merkezi komitesi aleyhinddki faaliyetin başçıları zannedenler, veyahud bu faaliyette onlara mühim yer ayıranlar yanılıyorlar Doğrudur, mahkûmlar „ana hattın" hürmetkârı değillerdi, buna mukabil en nüfuzlu ve en aktif aleyhdarı dahi değildiler. Onların kurşuna dizilmesini, Stalinle etrafındakilerin muhaliflerine tatbik ettikleri korkutma taktikile izah ediyoruz. Bundan sonra muhalifet mahafili bilmelidir, ki onlarla mücadelede her vasıtaya müracaat edilecektir ve „en agır ceza" yalnız adî vatandaşlara ve gayri maruf komünistlere değil „ana hatta" muhalefeti sezilecek tanınmış „rehberlere" dahi tatbik edilecektir.

Muhakemenin „korkutma" mahiyeti mahkûmların kimlerden ibaret olmansından dahi anlaşılmaktadır. Bunların en tenınmışları olan Zinovyef ile Kamenef çoktan itibardan salınmış ve fırka mahafilinde nüfuzlarını itirmişlerdi. Yerde kalanları işe hiç bir nüfuz sahibi olmayıb geniş halk kitlesinin mechulu adamlardı. Ona göre bunların kurşuna dizilmesi ciddî bir sarsıntı vücude getiremezdi. Buna mukabil „gösteriş" rolunu muvaffakiyetle oynıya bilir ve lazım gelenlere anlata bilirdi, ki „beşeriyetin en büyük dahisi", bütün dünya emekçilerinin rehbeleri" v. s. v. s—ye karşı savaşmak tehlikeli bir oyundur.

Fakat, fırka içi muhaliflerini korkutmak emelile yan-yana Stalin muhiti başka vazifeler dahi görmek istemişti.

Bu vazifelerden biri muhakemeyi Trotski ve Almanya Gestaposunun faaliyetlerile bağlamak, Trotski ve taraftarlarının SSSR de ve haricte Gestapo direktivile çalıştıklarını isbat etmek teşebbüsünden ibaret idi. Antistalin muhalifleri reisinin ve trotskiçilerle mahkûm olanların ekseriyetinin sâde ırkî mensubiyetleri böyle bir teşriki mesainin imkânsızlığını isbata kâfidir. Bununla beraber mahkemedeki iddianamenin başlıca motifi bu mesele oldu ise, bizce bunun sebebi Almanyanın „barbarlığını" bir defa daha koydetmekten ziyade Trotskinin iki yüzlü rolunu gizletmek arzusu olmuştur. Çünkü Avrupa devletlerinden bâzinin istihbarat teşkilatları Trotskinin kominter ve Sovyet hükûmetile alakada olduğunu meydana çıkarmıştır.

Umumiyet'e SSSRde „trotskizim" mübhem bir mefhumdur. Bu tabir altına bir tek „sağ—sol" egintiler değil, muhtelif „millî egintiler" dahi, hatta câri fırka içi „gavgaları" bile toplanmıştır. Bütün bunlar „trotskizm„dir ve bunların hepsini „trotskiçiler" yapıyor,

Muhakeme „bütün mazlum beşeriyetin sevgilisi büyük Stalini (4 Eylûl tarihli „Pravda" başmakalesinde Staline böyle bir unvan vermiştir) propaganda etmek için de az istifade edilmemiştir. Muhakeme halk kitlesinde Stalinin SSSR de ve fırkada akla gelmez büyük rol oynadığı fikrini yerleştirmege çok çalışmıştır.

Aceba, muhakemeyi kuranlar esas gayerlerine muvaffak oldularmı? En maruf azalerinin askerî mahafile ve kızıl orduya güvendiği iddia olunan fırka içi muhalefetini korkuta bildilermi? Bizce, hayır. Unutmamalıdır. ki Zinovyef ve arkadaşlarile birlikte tevkif edilen ordu mensubeyninden kimse maznun iskamyasına oturmadı (ecnebi muhabirlerin verdikleri malumata göre bunların içinde yüksek rütbeli zabitan dahi varmış). Burada neticeden korkmıyan mechul kuvvetli bir el bu zabitanı kurşuna dizilmek tehlikesinden kurtara bildi.

Bu müdahelenin kızıl ordu kumandanlıgile bâzi nüfuz sahibi fırkaçılar tarafından vaki olduğunu anlamak zor değildir. Onaltıların kurşuna dizilmesi hadisesinin sovyet Olimpi tepelerinde ceryan eden savaşın sonuncusu olmadığını tahmin etmek dahi, bu vaz'iyet dahilinde zor değildir.

Али Мирза

„России нужна Армения без армян"

„России нужна Армения без армян" — так писал в свое время кн. Лобанов-Ростовский, известный русский дипломат эпохи предпоследнего и последнего царствования. В словах этих, в сущности, выражены господствовавшие в русских правительственных кругах и обществе настроения.

Армяне и армянский вопрос никогда не пользовались симпатиями русского правительства и общественных кругов. Армяне интересовали старую Россию лишь постольку, поскольку они служили той дипломатической игре, которая велась царским правительством против государств Ближнего Востока— прежде всего, против все более и более слабеющей империи султанов. Искуственно заостряя армянский вопрос в пределах султанской Турции, руководители армянской политической мысли способствовали осуществлению империалистических замыслов России в Малой Азии, подготавливая почву для очередных дипломатических вымогательств русского правительства в Стамбуле, проводимых, как известно, в последние десятилетия, почти исключительно, под маской защиты интересов турецких армян.

Однако, действительные намерения России отнюдь не совпадали с надеждами, которые возлагались на русскую помощь армянскими политиками, как не совпадали они и с теми обещаниями, кои давались армянам в официальных правительственных кругах.

Этот момент особенно ярко был выявлен во время мировой войны, когда, как казалось бы, предстала реальная возможность для осуществления армянских политических вожделений. В то время как армянская делегация в Европе (д-р Завриев и др.), основываясь на обещаниях русского министерства иностранных дел и заявлениях Николая II, предпринимала конкретные шаги по осуществлению своей программы, в это время министр иностр. дел Сазонов писал дипломатическим представителям в Пари-

же и Лондоне, что „беседы с армянами носили чисто академический характер" и что „никакой определенной программы Завриеву указано не было". Т. е., иными словами, Сазонов отказывался от данных армянам обещаний и предписывал своим подчиненным не придавать им никакого значения.

Действительные же намерения России сводились к лозунгу Лобанова-Ростовского: „России нужна Армения без армян". Об этом свидетельствует проэкт создания т. н. ефратского казачества, а еще более докладная записка ген. Юденича (от 5 апр. 1915 г.) на имя тогдашнего наместника на Кавказе гр. Воронцова-Дашкова, в которой читаем следующее:

„Армяне намерены для эксплоатации земли, покинутой курдами и турками, поселить на ней армянских беженцев. Это намерение я считаю неприемлемым, потому что захваченные армянами земли после войны трудно будет взять обратно или же доказать, что захваченное не принадлежит им. Потому нахожу в высшей степени желательным пограничные местности заселять русскими элементами. Когда долины Алашкерта, Диадины, Баязета войдут в границы русской империи, то эти земли необходимо заселять переселенцами Кубани и Дона и таким образом организовать пограничное казачество".

На все эти положения Воронцов-Дашков выразил свое полное согласие. Эта точка зрения последовательно проводилась в жизнь русскими военными властями в оккупированных турецких провинциях, и, когда в начале 1916 г. русскими войсками был занят Эрзерум, первый приказ властей гласил: армяне не имеют права поселяться в Эрзеруме.

Исчерпывающе русская точка зрения на армянский вопрос была представлена ген. Огановским, слова которого были цитированы на всеармянском с'езде в Тифлисе в феврале 1915 года.

„Мы (т. е. Россия—А. М.) — заявил ген. Огановский — преследуем следующую цель: чтобы по окончании войны иметь возможность немедленно и быстро разоружить армян, ибо есть опасения, что во время мирной конференции они могут восстать и мирная конференция вынуждена будет считаться с этим фактом, что будет противоречить кровным интересам России. Русское правительство не забыло своей исторической политики и миссии на Востоке (т. е., захват „проливов" и господство в Малой Азии—А. М.), оно преследует интересы русского государства, а не заветные мечты и желания армян об автономной Армении. Для русского правительства желательно, чтобы армяне составляли меньший процент в турецкой Армении. Армяне должны изменить свое мышление и миросозерцание. Они должны публично заявить и доказать на деле, что воюют не ради автономной Армении, а как граждане русской империи, иначе армяне дорого заплатят за свои стремления и в глазах государства не будут стоять в рядах подданных империи".

И несмотря на то, что эгоистические стремления России в армянском вопросе не составляли тайны для армянских политиков, ориентация на Россию сохранялась ими с неизменным постоянством, достойным несравнимо лучшего применения. В результате, в годы войны армяне пережили одну из величайших трагедий своей истории, став, в сущности, жертвой русских империалистических стремлений в Малой Азии.

Но и тогда, когда мечтам о „великой Армении" был нанесен жестокий, непоправимый удар, когда идея самостоятельной армянской государственности должна была удовлетвориться ограниченными рамками кавказской действительности,—и тогда фатальная концепция ориентации на Россию продолжала господствовать среди армянских политиков.

Прямым последствием этой концепции является договор от 2 декабря 1920 года, подписанный, с одной стороны, Дро и Тертерьяном, уполномоченными армянского правительства, а с другой стороны, Леграном, полномочным представителем РСФСР при правительстве Республики Армении, согласно которого Армения об'являлась „независимой социалистической республикой", фактически же подчинялась большевистской России.

Таким образом, потеря Арменией независимости является, по существу, добровольным отказом от независимого существования, санкционированным тогдашним правительством Армении. Психологию этого добровольного национального самоотречения об'ясняет нам заявление представителей влиятельной партии „рамкаваров", приводимое в книге советского публициста Мясникова („Армянские политические партии за рубежом", изд. „Сов. Кавказ", Тифлис, 1925).

„Как та Армения, — заявляют „рамкавары" — которая 28 мая 1918 г. была провозглашена независимой, так и нынешняя Армения, „независимость" которой с ноября 1920 г. почитается „изнасилованной", никогда не являлись экономически самостоятельными и независимыми. Тот факт, что после перемирия стали подыскивать государство-покровителя для „независимой" Армении, сам по себе достаточно показывает, что почти весь армянский народ, а с ним и противники нынешней Армении были убеждены, что наша страна, наше государство не имеет предпосылок для обособленно-независимого самоуправления и было вынуждено пожертвовать многим в отношении своей независимости, чтобы быть в состоянии успешно обеспечить прежде всего защиту физического существования и затем уже экономическое развитие страны".

Зато теперь, продолжают „рамкавары", взамен „далекой Америки, слабой и малой Дании—сегодня с нами мощный и великий Советский союз, и мы не то что подвержены чужой опеке, но имеем союзника с равными правами экономической и политической реальной силы, присутствие которой на наших границах есть самим предопределением посланная нам защита. Даже те, которые рассматривают нынешнее положение Армении как рабство (намек на „дашнакцаканов"—А. М.), за последнее время с гордостью заявляют, что они обратились ко II интернационалу с просьбой, чтобы, когда от большевиков потребуют очищения Грузии, попросили Россию оставить свою армию в Армении для защиты ее в случае какого-нибудь нападения извне".

Т. е., как видим, по-прежнему упрямое пребывание на тех самых позициях, которые не только не защитили „физическое существование" армян, но, наоборот, привели к истреблению значительной части армянской нации.

Если „дашнакцаканы“ репрезентируют среди армянских партий идеологию ориентации на белую, „национальную“ и „демократическую“, Россию, то представителями ориентации на красную Россию, на „мощный и великий Советский союз“, являлись до самого последнего времени „рамкавары“—члены второй по значению армянской партии. Советофильские тенденции „рамкаваров“ особенно усилились в 1935 году, после посещения Эривани Чобаняном, одним из лидеров этой партии.

Но самоубийство Ханджяна, основным обвинением против которого была его связь с „рамкаварами“ и действия по инструкциям последних, а также жестокие репрессии, последовавшие в Армении после этого самоубийства,—должны были показать и „рамкаварам“ всю сомнительность их надежд, возлагаемых на Россию, белую-ли или красную—безразлично. Хотя, добавим, гораздо более тяжкие разочарования по отношению белой России не могли поколебать трагического постоянства в ориентации на эту Россию, которая характеризирует деяния „дашнакцаканов“—другой влиятельнейшей партии.

Руководители армянской политической мысли в эмиграции не могут уяснить той, казалось бы, простой истины, которую выковывали трагические переживания армянского народа в последние десятилетия и которая гласит, что будущее армян нераздельно связано с судьбами Кавказа и его народов и что „России нужна Армения без армян“.

Жанбек Хавжоко

Мамелюкские султаны в Египте

Слово „мамелюк” — арабского происхождения и означает: „купленный раб.” В средние века, когда в бассейне Черного и Средиземного морей процветала торговля рабами, мамелюками стали называть особую гвардию египетских султанов, составленную, на подобие турецких янычар, из бывших рабов.

Основателем этой гвардии был Мелик-эс-Салех, предпоследний правитель из династии Эюбидов. Новый гвардейский корпус состоял, главным образом, из бывших пленников монгол, которые в этот период совершали свой разрушительный поход на запад и заполняли невольничьи рынки мира захваченной добычей. Особенно много среди мамелюков было кавказцев — главным образом, черкесов-адыге—ибо незадолго перед этим волна монголов прошла через Кавказ, предав его уничтожению. Говорят, что в 1230 году Мелик-эс-Салех приобрел 12000 черкесов, которые все были зачислены в корпус мамелюков.

Но созданная Мелик-эс-Салехом гвардия не оправдала его надежд. Она оказалась страшной не только для врагов, но и для самой династии. При сыне Мелик-эс-Салеха мамелюки возмутились, убили султана и захватили власть в свои руки, правя затем Египтом включительно до первой четверти 16 века.

За это время царствовали две династии мамелюков: Бахириты и Борджиты. Бахириты правили с 1250 по 1382 г.г., а Борджиты—с 1382 по 1517 г.г.

Некоторые исследователи сомневаются в черкесском происхождении Бахиритов, но имена членов этой династии, особенно первых правителей (Айбек, Бибор, Калаун), рассеивают в этом отношении всякие сомнения. Имена эти, несомненно, северокавкасского происхождения и свидетельствуют о том, что черкесы в Египте не легко поддавались арабизации.

Родоначальником династии Бахиритов был Айбек. После него на престол вступил его сын Бибор, а затем, в 1290 году, — Калаун. Калаун известен своими победами над монголами и крестоносцами. Он же построил в Каире великолепную больницу. И вообще члены мамелюкских династий, в большинстве, были просвещенными монархами, покровительствовали искусству, воздвигали здания, которые и сейчас еще служат украшением Каира.

На этом поприще из династии Бахиритов особенно прославился сын Калауна,—Эн-Насир. Он покровительствовал ученым и поэтам, заботился о благосостоянии народных масс, реорганизовал управление страной и т. п. Вступив на престол 9 лет от роду, он дважды был лишаем престола честолюбивыми эмирами, но, не взирая на это, в третий раз захватил власть в свои руки и правил Египтом в общей сложности 43 года. Эн-Насир известен и как талантливый военачальник. Он разбил на голову 100000 армию монголов на равнине Мердж-эс-Саффар, после чего народ устроил ему торжественную встречу в Каире.

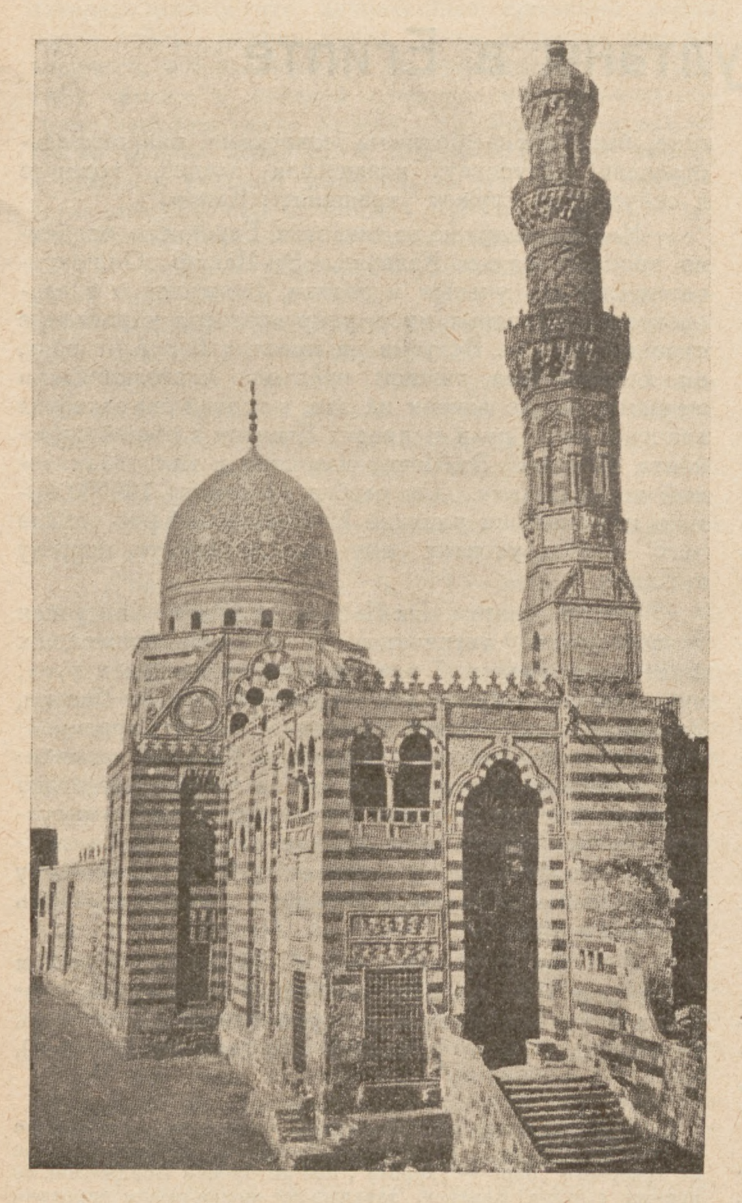
После смерти Эн-Насира в Египте наступили династические неурядицы. В течении ближайших шести лет власть 6 раз переходила из рук в руки, пока, наконец, престолом не овладел сын Эн-Насира, Хассан, царствовавший 14 лет. Одна из красивейших мечетей мира, находящаяся в Каире и называемая мечетью Хассана, построена по приказу этого монарха и носит его имя. Предание гласит, что султан Хассан, увидя великолепие новой мечети, приказал отрубить руку архитектору, построившему мечеть, дабы он никогда больше не мог воздвигнуть подобного здания.

Как мы уже отметили, в 1382 году династия Бахеритов была сменена династией Борджитов, черкесское происхождение которой также несомненно. Основателем этой династии был султан Баркок*),

*) Некоторые исследователи, признавая черкесское происхождение этой династии, производят ее наименование от арабского „борг”— „ворота”, ибо-де предки Борджидов, со времен султана Калауна, заведывали крепостными воротами Каира. Нам кажется, что название династии могло произойти и от имени ее основателя — Баркока, которое было искажено впоследствии на арабский лад. Баркок (Баркук, Беркух)— черкесское имя. От этого личного имени произошла адыгейская фамилия „Беркух.”

который силой захватил престол, уничтожив представителей династии Бахеритов. Баркок царствовал 17 лет. Он был очень энергичным правителем, покровительствовал, по примеру иных мамелюкских правителей, искусству и наукам, но одновременно отличался жестокостью и был недоверчив. Памятью его правления является чудесный мавзолей в Каире.

Баркоку наследовал сын его Фараг, а затем сын этого последнего — Шейх-эль-Монайяд. Шейх-эль-Монайяд был известен как отличный оратор, поэт и знаток музыки. Он выстроил на месте прежней тюрьмы прекрасную мечеть. Говорят, что он сам сидел в этой тюрьме, будучи посажен в нее своими соперниками (династические неурядицы особенно часты были во времена Борджидов), и дал обет, что, если ему удастся освободиться и занять престол, то он вместо тюрьмы воздвигнет мечеть. Став султаном, он исполнил свой обет.



Kahire'de memlûk-çerkes sultanı Kait-Bek tarafından inşa edilmiş Kait Bek mescidi.

Мечеть Каит-бека в Каире—построена мамелюко-черкесским султаном Каит-беком.

После Шейха Монайяда на трон вступил его сын, царствовавший всего на всего 3 месяца и, в свою очередь, оставивший престол своему десятилетнему сыну. Но регент, Боурс-бей, также члена дома Борджидов, сам занял трон, лишив престола законного султана.

Боурс-бей царствовал 16 лет. Царствование его характеризуется военными победами Египта. Он завоевал остров Кипр, подписал почетный мирный договор с наследниками Чингис-Хана в Передней Азии, подчинил себе значительную часть Арабистана и занял порт Джедда, важный торговый центр того времени. При Боурс-бее особенно расширилась торговля с Индией, которая уже во времена султана Калауна давала значительную часть доходов египетской казны.

После смерти Боурс-бея, на протяжении 30 лет, сменилось 8 султанов. Последний из этих 8 султанов, Темир-бек, был насильственно лишен престола и место его занял Каит-бек, царствовавший 29 лет. Каит-бек был отличным полководцем и отличался высокой личной доблестью. При этом он известен и как весьма справедливый правитель. Жил он 85 лет, пользуясь до самой смерти всеобщим уважением и любовью. В Каире им выстроена прекрасная мечеть, называемая его именем. Но зато сын его и преемник, Магомет, не оставил после себя доброй славы. Отличаясь крайней жестокостью и развратом, он вызвал против себя общее возмущение и был убит восставшими мамелюками.

После султана Магомета, Египет пережил новую серию дворцовых переворотов. В течении 6 лет на троне восседало 4 султана. В конце концов престол достался Каншау-эль-Хури, который удержался на нем 15 лет. Каншау также принадлежал к числу просвещенных правителей. Он оставил в Каире множество прекрасных построек и в этом отношении превзошел всех своих предшественников. Жизнь его закончилась трагически. Он погиб в бою с турками (1516 г.), которые уже издавна стремились овладеть Египтом. Голова его была принесена султану Селиму, который лично руководил турецкими войсками.

Наследник Каншауа-эль-Хури, Томан-бек, получивший прозвище Мелик-эль-Асраф,*) тщетно пытался оказать сопротивление туркам, хотя, все же, ему удалось на короткое время изгнать турок из Каира, который был занят турецкими войсками после смерти Каншауа. Томан-бек, благодаря измене бедуинов, был взят в плен в одном из боев и по приказанию султана Селима повешен в 1517 году.

После смерти Томан-бека владычество черкесов в Египте прерывается до 1768 года, а сам Египет попадает в вассальную зависимость Турции.

Но султан Селим не осмелился окончательно отстранить черкесов от власти, ибо влияние их в Египте было огромно. Поэтому он разделил Египет на 24 провинции, назначив в каждую правителем черкеса-мамелюка.

В начале второй половины XVIII столетия черкесам опять удается захватить власть в Египте. Это

*) „Эль-Асраф" — Благородный.

удается сделать знаменитому Али-беку, происходящему из племени абаза. Биографы Али-бека пишут, что он родился в 1728 году на западном Кавказе и попал ребенком в руки торговцев рабами. Мальчик был куплен каирскими евреями, Исааком и Иосифом, которые подарили его начальнику мамелюков Ибрагиму Киай. Когда Али-беку исполнилось 18 лет, хозяин его даровал ему свободу, покровительствуя ему и в дальнейшем. Ибрагим Киай женил Али-бека, дал ему деньги, имущество и устроил его правителем одной из провинций.

Отличаясь большим умом и сообразительностью и вкусив прелесть власти, Али-бек пришел к выводу, что захват власти в стране не представляет из себя больших затруднений. Но первая попытка не удалась. Тогдашний правитель Египта, Абд-эль-Рахман, узнав о заговоре, сослал Али-бека в Газу. В ссылке Али-бек не пробыл долго. Через два года он внезапно появляется в Каире, убивает при помощи своих сторонников самых опасных для себя беков, часть их ссылает в далекие провинции и становится во главе наиболее многочисленной партии. Вслед за этим он изгоняет из Каира наместника султана, перестает платить последнему дань, а в 1768 году об'являет самого себя султаном Египта и приказывает чеканить монету от своего имени.

В дальнейшем султан Али-бек отнимает от Турции, занятой в это время войнами на севере, одну провинцию за другой. В 1769 году войска Али-бека занимают Джедду и доходят до Мекки, в 1770 году отнимают у турок Яффу, Камле и всю Палестину, в 1771 году подходят к Дамаску, который не был занят только потому, что защитникам города удалось подкупить Магомета, приемного сына Али-бека, командовавшего под Дамаском египетскими войсками. В 1772 г. Али-бек присоединяет к Египту Триполи, изгоняя оттуда турецкие гарнизоны.

Но жизнь и этого талантливого и смелого правителя оканчивается трагически. В 1773 году он был изменически убит в борьбе, которая возникла между ним и его приемным сыном Магометом.

Поход Наполеона в Египет, главное сопротивление которому было оказано мамелюками, нанес последним непоправимый удар. Но окончательно влияние их было ликвидировано в 1811 году Магометом-Али, тогда еще лойяльным наместником султана в Каире, который, пригласив к себе виднейших мамелюкских вождей в количестве 470 человек, приказал их всех изменически истребить. С этого времени мамелюки окончательно сходят с исторической сцены Египта.

Кургоко Джад

Адольф Дирр и кавказская лингвистика

Одно из наиболее выдающихся мест в кавказской лингвистике, в особенности же в лингвистике Северного Кавказа, занимает, несомненно, недавно скончавшийся (9 апр. 1930 г.) германский ученый — профессор Адольф Дирр. И неудивительно, ибо этот талантливый ученый, уроженец гор. Аугсбурга, отдал изучению кавказских языков почти половину своей высокоплодотворной жизни.

С Кавказом Адольф Дирр непосредственно столкнулся в 1900 году. В этом году, имея от роду 33 года (А. Д. родился 17 дек. 1867 г.), он отправился на Кавказ, где в Тифлисе получил место учителя немецкого и английского языков.

С 1902 по 1908 г.г. он занимал должность преподавателя немецкого языка в реальном училище в Темир-Хан-Шуре, а затем переехал опять в Тифлис, где преподавал немецкий и английский языки в местных средне-учебных заведениях и военном училище.

Проявляя с раннего детства страстное влечение к изучению чужеземных народов и языков и обладая ко дню приезда на Кавказ богатыми языковедческими познаниями,*) Адольф Дирр не мог, конечно, не использовать обширных возможностей, которые предоставляет каждому лингвисту языковое многообразие Кавказа. Вероятнее всего, что и сама поездка покойного германского ученого на Кавказ была вызвана желанием непосредственного изучения кавказских языков.

Будучи на Кавказе, Адольф Дирр все свободное время отдавал своему любимому делу—лингвистике. В результате, с 1904 по 1913 г.г. он написал целый ряд монографий о кавказских языках и этнографии, опубликованных на русском языке в издаваемом тогдашним Управлением кавказского учебного округа „Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа", поместив одновременно ряд работ и в различных германских журналах.

Опубликование этих работ доставило Адольфу Дирру звание doktor'a honoris causa Мюнхенского университета (1908 г.), а также т. н. Макарьевскую премию от тогдашней С.-Петербургской Академии наук (1909 г.).

В 1913 г. он получает место директора Музея народоведения в Мюнхене, оставаясь на этом посту до самой своей кончины. При Музее народоведения им был образован специальный Кавказский отдел, в организации которого принимал участие и наш соотечественник проф. Гаппо Баяти.

В 1920 г. Адольф Дирр получил звание профессора, а в 1924 г. — звание члена корреспондента Болонской Академии наук. С того же (1924) г. он состоял редактором основанного им специального научного журнала „Caucasica", руководя им до самой своей смерти.

*) Адольф Дирр изучал языки в Берлине и Париже (1891 — 1900 г.г.), особенно интересуясь восточными языками. Он, между прочим, знал едва ли не все европейские языки, арабский, турецкий, многие кавказские, африканские, восточно-азиатские и др.

Труды Адольфа Дирра по кавказоведению ценны во многих отношениях. Во первых, они знакомят с мало исследованными или вовсе неисследованными языками; во вторых, они почти всецело основаны на личных тщательных наблюдениях автора и свободны от всяких политических тенденций, так характерных для работ другого известного кавказоведа-лингвиста — Н. Я. Марра; в третьих, обнаруживают умение критически относиться к работам предшественников, избегать свойственных последним недостатков и выявлять наиболее существенные черты изучаемых языков, глубоко проникая в тайники их природы.

Как мы отметили, первые работы Дирра были напечатаны в „Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа". Работы эти следующие:

1) Удинская грамматика (Сб. м. вып. XXXIII). 2) Грамматический очерк табассаранского языка (Сб. м. вып. XXXV), 3) Краткий грамматический очерк андийского языка (Сб. м. вып. XXXVII), 4) Агульский язык (Сб. м. вып. XXXVIII), 5) Арчинский язык (Сб. м. вып. XXXIX), 6) Материалы для изучения языков и наречий андо-дидойской группы (Сб. м. вып. XL), 7) Рутульский язык (Сб. м. вып. XLII), 8) Цахурский язык (Сб. м. вып. XLIII).

Все эти об'емистые труда как по своему содержанию, так и по своей композиции приблизительно однотипны.



Maruf alman alimlerinden, kafkasya dilleri müdekkiklerinden prof. Adolf Dirr (1867—1930).
Профессор Адольф Дирр (1867—1930).

В предисловии даются некоторые предварительные сведения о рассматриваемом языке (напр., о границах его распространения, о его положении среди соседних языков и т. д.) и его носителях (статистические и этнографические данные), а также о способах собирания и обработки языкового материала. Здесь же мы находим и библиографические указания, а иногда и критические замечания по поводу прежних исследований.

Затем идет небольшая глава, посвященная фонетическим вопросам.

Основную часть каждого труда составляет описательная грамматика, подробно излагающая морфологию разбираемого языка, при чем всюду сохраняется полное соответствие со свойственными кавкасским языкам морфологическими явлениями.

Далее идут тексты, снабженные подстрочным и литературным переводами, и сборники слов или же небольшие словари, дающие лексический и фразеологический материал.

Таков, в общих чертах, характер „дагестанских" монографий Дирра.

Из западных языков Северного Кавказа внимание Дирра привлек язык убыхов, поголовно выселенных в 1864 году в Турцию. В 1913 году по поручению С.-Петербургской Академии наук он совершил поездку в места нынешнего поселения убыхов, изучил их язык и записал некоторые произведения их устного народного творчества.

Результаты этой поездки были опубликованы лишь в 1927 году в журнале „Caucasica", а в 1928 были изданы отдельной книгой в Лейпциге („Die Sprache der Ubychen", Leipzig 1928, Verlag Asia Major).

В этом труде Дирр дал образцовое описание убыхского языка — его фонетики, морфологии и лексики, снабдив все это, как и в отмеченных нами выше „дагестанских" монографиях, рядом связанных текстов с немецким переводом.

Как первое научное описание этого отсутствующего уже на Кавказе языка, труд Дирра представляет особо ценный вклад в кавкасскую лингвистику.

Из южнокавкасских языков лишь один грузинский был предметом изучения Дирра, составившего теоретическо-практическую грамматику этого языка.

Как видим, излюбленной областью лингвистики для Дирра было изучение живых языков. Но он занимался и проблемами теоретического характера. Из работ в этой области следует прежде всего отметить две: „О классах (родах) в кавкасских языках" (Сб. м. вып. XXXVII) и „Божества охоты и охотничий язык у кавказцев" (Сб. м. вып. XLIV). Кроме этого, ряд важных вопросов общего языковедения затронут им в интересной работе „Лингвистические проблемы в этнографическом, антропологическом и географическом освещении" (на нем. языке), которая была напечатана в 1910 г. в журнале Антропологического общества в Вене. В этом труде, опираясь на свой личный и, нужно признать, весьма богатый лингвистический опыт, Адольф Дирр приходит в выводу, что „главную причину всех изменений в языке нужно искать не в тенденции к изменению, заключающейся в самом языке или говорящих, а во взаимном соприкосновении, внедрении, смешении и ассимилировании разноязычных человеческих коллективов". Взгляд этот весьма разнится от установок сегоднешней официальной советской лингвистики, представляемой „марристами", адептами „нового учения о языке", которые отдельные языки считают различными историческими стадиями в развитии одного и того же, общего для всего человечества, языка. Поэтому то, видимо, труды Дирра — даже из области частной лингвистики, из области исследований отдельных кавкасских языков — находятся у большевиков под запретом, а в советской кавкас-

ской лингвистике безраздельно царит руссификатор Марр.

Свои лингвистические исследования из области кавказского языковедения Адольф Дирр завершил капитальным трудом под скромным заглавлением „Введение в изучение кавказских языков" („Einführung in das Studium der Kaukasischen Sprachen"— Leipzig 1928, Verlag der Asia Major).

Главное внимание в этом труде автор уделяет анализу важнейших особенностей грамматического строя кавказских языков, посвящая почти каждому языку особый очерк. Эти очерки составляют $^{9}/_{10}$ книги. Им предпослана небольшая вводная часть, в которой, после обзора и классификации кавказских языков, рассмотрены суммарно вопросы о взаимоотношениях этих языков с соседними и о родстве кавказских языков с другими языковыми группами, а также дана общая характеристика звуковой системы кавказских языков. Кавказские языки кажутся Дирру деревом с тремя стволами, в котором он затрудняется определить: восходят ли эти три ствола к единому общему корню или же три отдельных корня срослись до неузнаваемости. Дирр отмечает слабую устойчивость большинства кавказских языков, за исключением нескольких жизнеспособных, как например, грузинский, чеченский, аварский и некоторые другие, которые уже сейчас поглощают более мелкие языковые группы.

В вопросе о родстве кавказских языков с другими языковыми группами, А. Дирр является решительным сторонником мнения тех ученых, которые усматривают родственные связи кавказских языков с целым рядом языков Передней Азии и Средиземного моря, а также и некоторыми иными языковыми семьями.

В общем же этот капитальный труд дает прочную базу для сравнительного изучения кавказских языков.

Восемь „дагестанских" монографий, „Язык убыхов", наконец, „Введение в изучение кавказских языков"—является исключительной ценности плодами кавказоведческой работы А. Дирра, обесмертившими его имя в кавказской лингвистике. Дирр дал классические образцы научного описания кавказских языков, вскрыл с удивительно тонким пониманием особенности этих языков и выловил многочисленные связи, существующие между ними.

На древнем Кавказе, после долгих скитаний и исканий, обрел, наконец, Адольф Дирр свое призвание, посвятив ему свои выдающиеся способности лингвиста. Кавказ дал Дирру славное имя, зато и Дирр отдал исследованию Кавказа свои лучшие годы, свои лучшие силы. Плоды его научного творчества в кавказской лингвистике навсегда сохранят свою высокую ценность.

Догуж

„Буржуазный национализм" на Кавказе

Опубликование проэкта новой конституции СССР в июне т. г. дало советской печати повод для очередной рекламы коммунистических достижений, а в особенности достижений в области национальной политики. На Кавказе лейт-мотивом подобных выступлений были утверждения о полной ликвидации всех националистических ферментов среди местных народов, о восприятии ими в полном об'еме советской идеологии и уничтожении среди них влияний старых национальных партий, занимавших руководящее положение в период недавней независимости. Достаточно сказать, что даже ликвидация „Закфедерации", предусматриваемая проэктом конституции, об'яснялась тем, что большевики „в корне ликвидировали почву для контрреволюционной деятельности меньшевиков, дашнаков и мусаватистов", как это утверждал Лаврентий Берия в специальной статье, посвященной новой конституции.

Однако, самоубийство Ханджяна, секретаря ЦК ВКП (б) Армении, последовавшее в июле, внесло в этот восторженно-хвалебный тон некоторую дисгармонию. Уже тогда выяснилось, что утверждения об идиллистических взаимоотношениях, якобы, царящих между Москвой и республиками „Закфедерации", далеко не соответствуют правде. Из туманных раз'яснений, появившихся в советской печати после самоубийства, можно было заключить, что не соответствуют правде и утверждения о „ликвидации почвы для контрреволюционной деятельности меньшевиков, дашнаков и мусаватистов". Короче говоря, стало ясно, что национальные тенденции на Кавказе не только продолжают существовать, но и развиваются, проникая даже в высшие сферы партийного руководства, прошедшего, как известно, многочисленные „чистки" и поэтому, казалось бы, долженствующего быть вполне благонадежным.

Это положение получило яркое подтверждение после процесса Зиновьева и товарищей, когда по всему СССР прошла новая волна репрессий против воображаемых и действительных врагов советского режима и компартии. На Кавказе волна преследований прошла, главным образом, под знаменем борьбы с „буржуазными националистами". Особенно подчеркиваем был этот момент на Северном Кавказе, где „разоблачительная" кампания продолжалась свыше месяца и не закончилась даже тогда, когда в „Правде" (от 17 сент. 1936 г.) появилась известная статья „О большевистской бдительности и усердствующих дураках", направленная по адресу слишком зарвавшихся денунциаторов. Видимо, обвинения против северокавказских „буржуазных националистов" (между прочим, в большинстве случаев членов компартии) имели под собой вескую основу.

Общую характеристику деятельности северокавказских „буржуазных националистов" дал 2-ой секретарь крайкома ВКП (б) Рябоконь в своем выступлении на собрании партактива гор. Псыхуабе в 20-тых числах сентября т. года — т. е. после

опубликования в „Правде" упомянутой выше статьи.

„Троцкистско-зиновьевские контрреволюционеры – заявил Рябоконь („С.-К. б." от 25 сент.)— этот передовой отряд врагов нашей партии, врагов нашей страны—сомкнулись с буржуазными националистами.*) Теперь уже на целом ряде фактов мы можем продемонстрировать связь бандитов из троцкистско-зиновьевского лагеря с бандитами из буржуазно-националистического лагеря. Вот некоторые иллюстрации"...

Здесь, в качестве первого примера, Рябоконь приводит некоего Петка Таболова (Таболти Петка), который, оказывается, сочетал в себе одновременно и „буржуазный национализм" и „троцкизм".

„Нами разоблачен и исключен из партии — продолжает Рябоконь—заядлый враг нашей партии, бывший до последнего времени секретарем Правобережного райкома партии (в Сев. Осетии – Д.) некто Таболов Петка. В наши руки попал его дневник.**) У меня нет времени подробно останавливаться на писанине этой гадины. Могу только сказать, что в этом пахучем дневнике двурушника восхваляется и превозносится до небес Троцкий, и, вместе с тем, каждая строчка вскрывает буржуазно-националистическое нутро этого негодяя. В лице Петка Таболова чрезвычайно показательно сросся спаялся троцкист и буржуазный националист".

Далее Рябоконь упоминает о Сармате Коссирати, быв. редакторе газ. „Растдзинад".

„Или другой тип, — говорит он — некто Коссирати, бывший редактор осетинской газеты, троцкист. Установлена связь этого Коссирати с известным буржуазным националистическим деятелям Гаппо Баевым, от которого Коссирати получал прямые указания из Берлина".

Едва ли уважаемый Гаппо, продолжающий в эмиграции свою многополезную деятельность, работающий научно при Берлинском университете, предполагал, ведя переписку с Коссирати (если такая вообще имела место), что его высказывания могут быть истолкованы, как указания, которые должны способствовать „ниспровержению существующего строя" в Советском союзе. Тем более что, как видно по всему, переписка велась явно, по почте, и должна была проходить через советскую цензуру. Вся история этой переписки выдвинута, по нашему, с исключительной целью еще более подчеркнуть „контрреволюционную сущность" Сармата Коссирати, путем обвинения его в переписке с „известным буржуазным националистическим деятелем", который пребывает в Берлине, в непосредственном соседстве с „коварным" Гестапо. Хотя, добавим, советские „разоблачители" не могли не знать, что Гаппо Баяти никогда не занимался и не занимается активной политикой, посвятив себя исключительно общественной и научной работе.

В дальнейшем Рябоконь констатирует:

„Во время проверки и обмена партдокументов, а затем в связи с процессом над террористическим троцкистско-зиновьевским центром, нами исключено по Осетии немало двурушников, врагов партии. В числе исключенных есть секретари райкомов партии, в частности такие, как Петка Таболов, который был секретарем Правобережного райкома, Богдаев (Бигдати Садулла – Д.), который был секретарем Горно-Алагирского района.

Все это не случайно. Для нас теперь совершено ясно, что в северо-осетинской парторганизации на протяжении 10 с лишним лет создавалась контрреволюционная троцкистская и буржуазно-националистическая организация, во главе которой стоял небезызвестный вам бандит Мансуров.*) Этот самый Мансуров об'единил вокруг себя целую группу людей, которые захватили в значительной мере в свои руки партийный аппарат и, находясь в партийном аппарате, вели контрреволюционную работу против нашей партии. Такому положению способствовала гнило-либеральная линия бывшего руководства Северо-Осетинского областного комитета партии. Гнило-либеральная оппортунистическая линия этого руководства способствовала тому, что троцкистско-зиновьевские и вместе с тем буржуазно-националистические элементы, возглавляемые Мансуровым, до сих пор не были разгромлены в Северной Осетии. Сейчас Северо-Осетинский областной комитет партии, после смены его руководства, после того, как туда был послан секретарем обкома тов. Маурер, после того, как крайком партии занялся этими делами, начинает разоблачать, раскрывать и ликвидировать контрреволюционную мансуровщину в Северной Осетии".

Далее Рябоконь переходит к Дагестану:

„Дагестан — говорит он — также должен пользоваться пристальным вниманием крайкома партии и всей северо-кавказской парторганизации. Есть серьезные основания считать, что в Дагестане троцкистско-зиновьевские бандиты также спаялись с буржуазно-националистическими элементами. Нужна повышенная бдительность и серьезная работа, чтобы выяснить эти связи до конца.

Особую бдительность к тому, что было в дагестанской парторганизации, мы обязаны проявлять еще и потому, что Дагестанский комитет партии — его отделы — в свое время прояв-

---

*) Разбивка здесь и далее наша — Д.

**) Интересно знать, каким образом попал дневник Таболова в руки Рябоконя и насколько вся история с дневником соответствует букве новой конституции, гарантирующей гражданам СССР различного рода „свободы"?!

*) „Бандитизм" Сахан-Гирея Мансурова, быв. председателя северо-осетинского облисполкома (по всей вероятности расстрелянного несколько лет тому назад, хотя в эмигр. кругах он числился находящимся в ссылке), принадлежит к числу фактов, которые до сих пор советской печатью и ответственными работниками тщательно умалчивались.

лял гнилую либеральную линию к врагам партии. Эти враги партии, как оказывается, были не только вхожи в Махачкалинский горком и Дагестанский обком, но привлекались к выполнению ряда ответственнейших партийных заданий. Крайком вынужден был крепко подчеркнуть это обстоятельство Дагестанскому комитету партии. Крайком также помог дагобкому партии ликвидировать медлительность, которая проявлялась в дагестанской парторганизации в деле развертывания борьбы с врагами партии. Крайком помог дагестанской парторганизации организовать работу по разоблачению врагов партии с тем боевым напором, который сейчас требуется от каждой большевистской организации нашей партии".

Беспокоит Рябоконя и положение в Суюндж-Кала:

„Грозный — важнейший центр нашего края — должен также приковать наше внимание. Я уже указывал на одно обстоятельство, которое обязывает нас к особой бдительности в этом пункте нашего края. Повторяю: в Грозном мы еще не организовали большевистскую бдительность по-настоящему, и надо ее там по-настоящему поднять и организовать".

Осветив работу „троцкистско-зиновьевского и буржуазно-националистического подполья", докладчик предлагает следующие меры борьбы с ним:

„Во первых, нужно не давать потачки либералам, бить по гнилому либерализму.

Во вторых, не давать успокаиваться большевикам нашей парторганизации, не давать потачки таким вредным антипартийным настроениям, что если уничтожен троцкистско-террористический центр, то тем самым снята опасность.

В третьих, нужно кропотливо и настойчиво выявлять все связи троцкистско-зиновьевских бандитов, в том числе и их связи по линии всех старых антипартийных группировок — правых, „леваков" и т. д., ибо совершенно ясно, что эти элементы смыкались с троцкистско-зиновьевским подпольем.

В четвертых, нужно громить буржуазных националистов, которые являются союзниками троцкистов, которые прямо смыкались с ними.

В пятых, нужно ополчиться против всяких перегибов в этой борьбе, против мелкобуржуазного страховочного паникерства".

Так характеризует положение на Северном Кавказе 2-ой секретарь северо-кавказского крайкома ВКП (б). „Буржуазный национализм" продолжает собирать, оказывается, обильный урожай среди т. н. коммунистов-националов, оставаясь по прежнему одним из главных врагов правящего режима. Довольно неожиданной в цитированном докладе является характеристика, данная Рябоконем известному на Северном Кавказе коммунисту Сахан-Гирею Мансурову. Мансуров назван в докладе „бандитом".

Нам известно из советских газет, что несколько лет тому назад Мансуров был обвинен в „склоке" и отстранен от занимаемой им должности председателя северо-осетинского облисполкома. Из частных источников мы знаем, что после этого он был отправлен в ссылку на север. Но характеристика, данная ему Рябоконем, заставляют нас предполагать, что дело Мансурова было посерьезнее обычной в советских условиях „склоки". В этом утверждают нас и некоторые намеки, имеющиеся в статье некоего М. Кайтыкти, помещенной в газ. „Растдзинад" (27-IX-1936) и озаглавленной — „Вырвать с корнем контрреволюционную мансуровщину" („Byndzaræj skhaxæm kontrrevoljucion mamsurovsčinæ"). В статье этой говорится о тесной связи Мансурова и его сообщников с расстрелянным в 1932 году в Москве ингушским коммунистом Идрисом Зязиковым, с которым Мансуров, согласно утверждениям Кайтыкти, — „боролся против лучших сынов и передовых борцов коммунистической партии".

И вот, если мы учтем, что Зязиков, а вместе с ним около 20 человек ингушей, были осуждены к расстрелу за организование террористических актов против целого ряда русских ответственных партийных работников (убийство комиссара Черноглаза и др.) и что одновременно с террористическими актами в Ингушетии подобные же акты происходили в Осетии, то мы едва ли ошибемся, отождествляя „бандитизм" Мансурова с „бандитизмом" Зязикова, тем более, что отстранение Мансурова от активной партийной работы и его ссылка совпадают по времени с отстранением от работы и арестом Зязикова. Таким образом, мы вправе утверждать, что связь Мансурова и Зязикова и их совместная борьба „против лучших сынов и передовых борцов коммунистической партии", о которой говорит Кайтыкти, заключалась в совместной и согласованной организации антисоветских террористических актов. Несомненно и то, что судьба, постигшая Мансурова после ареста, аналогична судьбе Зязикова: Мансуров расстрелян в одной из советских тюрем на севере. Называя его „бандитом", Рябоконь, нехотя, позволил нам раскрыть еще одну трагедию среди наших отечественных „большевизаторов", многие из которых наивно допускали, что советская власть может дать угнетаемым народам желанную свободу.

Но история антисоветского террора, организовываемого ответственными коммунистами-националами, не ограничивается „бандитской" деятельностью Зязикова и Мансурова. Еще один пример такой деятельности приводит нам (и в данном случае в связи с „разоблачительной" кампанией после процесса Зиновьева — Каменева) секретарь (на этот раз первый) северо-кавказского крайкома ВКП(б) Евдокимов. В своей статье в „Правде" (26-VIII-1936) он пишет:

„Успехи, достигнутые нашим краем в области коллективизации и даже в отдаленных горных районах, несомненно, активизируют последышей классовых врагов. Это ярко видно на примере Черкессии, где была вскрыта крупная террористическая буржуазно-националистическая организация, членами которой состоял ряд областных работников".

Следует отметить, что и это разоблачение, даже для постоянных читателей советских газет, является до некоторой степени „сюрпризом", так как до сих пор в советской печати ничего не писалось о раскрытии в Черкессии террористической национальной организации, в которой принимали бы участие ответственные партийные руководители. Таким образом, в пылу печатной и устной кампании, вызванной недавним московским процессом, большевистские водители пробалтываются о вещах, которые ими до этого тщательно скрывались.

Из слов Евдокимова видно, что история с национал-террористической организацией в Черкессии— дело совсем недавнего прошлого. Раскрытие ее он связывает по времени с недавно закончившимся „обменом партийных документов" и, таким образом, событие это имело место не ранее 1934—35 г.г.

Но разоткровеничавшаяся советская печать приводит факты еще более свежей даты. Согласно „Даг. правды" от 2-IX-1936, вскоре после ареста Зиновьева и других, в Хасаф-Юрте была разоблачена террористическая группа Мамаша Шахмурзаева, б. секретаря Хасаф-Юртовского района ВКП(б). В состав этой группы, кроме самого Шахмурзаева, входили: Ичекаев (он же Хизриев), Амиров Имав, Заирханов, Саадуллаев, Алибеков и др. Группа организовала террористические акты против ряда партийных работников, производила набеги на совхозы, железнодорожные станции и т. п. Между прочим, ею были убиты коммунисты: Иван Рябов, Нечипуренко, председатель колхоза Казимагомедов Хасан и др. Члены группы, как сообщает „Даг. пр.", будут судимы в качестве „бандитов", хотя, как видим, деятельность их отнюдь не носила характер разбойничих выступлений, но была организованной борьбой с советской властью и ее агентами.

Не менее показателен и следующий момент, также выявленный в процессе последней „разоблачительной" кампании. Оказывается, коммунизация Северного Кавказа на 20 году существования советской власти находится по существу в первобытном состоянии. В аулах коммунистов почти нет, а имеющиеся партийные организации не проявляют никакой активности и состоят из наименее ценных элементов. Об этом говорит нам статья в „Сев.-Кавк. большевике" (29-VIII-36), посвященная партийным организациям Каб.-Балк. авт. области. Речь идет о парт. организациях Урванского района —„передового во всех отношениях района в области".

„За три года — пишет „Сев.-Кавк. б." — пленум Урванского райкома созывался всего три раза. А в течении 1935 — 1936 г.г. — всего один раз. Это, несмотря на то, что ЦК ВКП(б) и крайком неоднократно обращали внимание на необходимость улучшения работы пленумов райкомов, предлагали, в процессе обмена партийных документов, созывать пленумы райкома по вопросам хода обмена, перестройки внутрипартийной работы.

В ряде колхозов (Месхурей, Шекер и др.) парткомы в первичных парторганизациях созданы с нарушением устава, при отсутствии в парторганизации 15 коммунистов. Это вопиющее нарушение устава в райкоме об'ясняется тем, что поскольку с началом приема в партию там прибавится членов, то незачем ликвидировать парткомы, чтобы их снова не создавать. Многие коммунисты не знают, когда избирались парткомы, не говоря уже о том, что парткомы никогда не отчитываются перед партийной организацией. Так например, партком колхоза Шекер, по заявлению секретаря парткома т. Батразова, избран в 1933 году и ни разу перед партийной организацией не отчитывался"...

Далее мы читаем:

„В райкоме и в первичных партийных организациях к партийной работе относятся легкомысленно, не по партийному:

— Знаем, дескать, что у нас с партийной работой плохо, но зато смотрите, какой у нас хороший урожай, какие у нас хорошие стахановцы есть.

Но то, что к обмену в партийной организации оказалось из 240 коммунистов 73 азбучно безграмотных, что большинство парторгов первичных парторганизаций оказалось политически и технически малограмотные, что партийная учеба поставлена плохо, не тревожит райком партии".

Не удивительно поэтому, что:

„...среди утвержденных бюро райкома 152 читчиков и беседников (т. е. среди т. н. культработников—Д.) оказалось всего 4 коммуниста, 64 комсомольца и 82 беспартийных. В колхозе Псыгансу среди читчиков и беседников только один коммунист, а в парторганизации—27 человек".

В результате, и в Кабардино-Балкарии имеют место „открытые контрреволюционные выступления со стороны врагов народа", поддерживаемые ответственными партийными работниками.

„...Поэтому не случайны — пишет „С.-К. б." — факты неправильного, извращенного толкования партийных и правительственных решений в ряде мест и безнаказанные, открытые контрреволюционные выступления со стороны врагов народа. А райком, в лучшем случае, фиксирует эти выступления и тем ограничивается".

Такова картина партийной работы в „передовом" районе „передовой", „орденоносной" области— в сатрапии Бетала Калмыкова, наиболее лойяльного и наиболее оппортунистического из всех северокавказских коммунистов. Ясно, конечно, что в иных районах и областях картина еще менее утешительна для большевиков.

Для более яркой характеристики развития „буржуазного национализма" на Северном Кавказе следует еще упомянуть о его проявлениях среди писателей и журналистов, научных работников, учителей и т. п.

И в этой среде „буржуазный национализм"— явление перманентное. В 1931—32 г.г. в советской прессе велась шумная кампания против „национали-

стических извращений в истории горских народов". Многие книги, написанные северокавкасскими коммунистическими авторами, были в этот период из'яты из обращения, а авторы подверглись тем или иным репрессиям. В марте 1935 года Сев.-Осет. научно-иссл. институт организовал специальный цикл докладов на общую тему: „Против контрреволюционного троцкизма, великодержавничества и национализма в историографии и художественной литературе". Аналогичная пропаганда велась и в иных районах Северного Кавказа. Но несмотря на все это, троцкизм и синоним его в нерусских районах СССР—национализм не были изжиты среди „культработников" Северного Кавказа.

В Северной Осетии, после процесса Зиновьева, из „союза советских писателей" исключены „троцкисты и буржуазные националисты": Фарнион Коста*), Дзесты Кудзаг, Зазити Сарди и „буржуазный националист" Косирати Сармат („Растдзинад" — 5-IX-1936). К концу сентября список этот пополнили еще—Хутинати Габпу, Абайти Самил (Шамиль) и Дзагурти Губади („Растдзинад — 27-IX-1936). Самила Абайти, старого „кермениста", не спасла даже его статья, помещенная в „Раздз." от 21 сентября, в которой он спешит обвинить в „троцкизме" и „национализме" целый ряд иных „ответственных работников" в Северной Осетии.

Интересная история произошла в Дагестане. Здесь обвинения в национализме были пред'явлены самому „наркомпросу"—Багау Астемирову, который возглавлял и „оргкомитет союза советских писателей Дагестана". Оказывается, „буржуазный националист" Багау Астемиров „спелся" с „троцкистами"—замнаркомпроса Ольшевским и директором Даг. научно-исслед. ин-та Лелевичем, которые также состояли в союзе писателей, при чем Лелевич играл там руководящую роль. В результате, все трое отстранены с занимаемых ими должностей, исключены из партии и арестованы.

В кампании, которая была поднята по этому поводу северокавкасской советской печатью, особенно много места посвящается Лелевичу.**) На пред'являемых ему обвинениях следует остановиться более подробно, так как они ярко характеризуют атмосферу, в которой в СССР происходит развитие т. н. национальных литератур.

„Национальным издательством – пишет „С.-К. больш." от 6-X-1936 – в свое время была издана известная книга Лелевича „На путях изучения дагестанских литератур." Эта книга до сих пор не разобрана критически. Контрреволюционные взгляды Лелевича, высказываемые в этой книге, до сих пор не были разоблачены и вскрыты. Между тем контрреволюционные мысли автора можно найти на каждой странице этой брошюры. Характерная подробность: на протяжении 130 — 150 страницах имя товарища Сталина упоминается только раз (действительно, „ужасное преступление"! — Д.)".

И немного далее:

„Героическую борьбу горских народов с самодержавием, борьбу, которой восхищался в свое время Маркс, Лелевич об'ясняет любовью дагестанских народов к Шамилю, личным обаянием Шамиля, а не классовой борьбой, не стремлением неимущих горцев сбросить ярмо, которое накладывал на их плечи царизм".

Умаление роли Имама Шамиля, общепризнанного национального героя Северного Кавказа, является одной из основных целей саверокавкасской советской историографии. И ясно, конечно, что Лелевич, стоящий на почве исторической правды в своем подходе к личности Имама Шамиля, не мог удовлетворить советских критиков и чекистов из НКВД.

В дальнейшем „С.-К. б." пишет:

„Контрреволюционные, троцкистские взгляды Лелевича проскальзывают и там, где он говорит непосредственно о литературе.

Достаточно говорит за себя хотя бы отношение Лелевича к творчеству Сулеймана Стальского.*) Лелевич всячески пытался снизить, умалить значение поэта. Он превращал его в „местного" писателя, утверждал, что на песнях Стальского лежит отпечаток феодализма, что творчество его „ограничено кюринскими предгорьями", умышленно умалчивая о том, что замечательнейшие стихи и песни Сулеймана Стальского становятся достоянием не только трудящихся Союза, но и всего мира (если так пойдет и в дальнейшем, то старый Сулейман, придворный поэт „вождя человечества", приобретет, пожалуй, междупланетарную известность—Д.). Творчеству этого исключительного поэта Лелевич противопоставлял идеологически невыдержанные („национальный уклон" — Д.), слабые (иными не могут быть в глазах большевиков „идеологически невыдержанные" произведения – Д.) поэмы Фатахова".

И, наконец, следует наиболее замечательное и показательное (отношение большевиков к т. н. народному творчеству):

*) О романе Ф. К. „Шум бури" (Uady unær) советская критика в 1932 г. писала: „«Шум бури»—удар по оппортунистическим заявлениям, что осетинский язык беден, что на осетинском языке нельзя создать высококачественного, художественного произведения", хотя и тогда его обвиняли в „националистических чувствах, звучавших в его прежних стихах". В настояшее же время газ. „Прол. Осетии" (4-IX-1936) пишет о Ф. К. следующее: „Собрание (союза писателей) просмотрело ряды союза советских писателей Северной Осетии и единодушно изгнало из своих рядов махрового троцкиста Коста Фарниона, протаскивавшего в своих произведениях контрреволюционную троцкистскую и буржуазно-националистическую контрабанду".

**) Характерно, что фамилии: „Ольшевский" и „Лелевич" звучат не совсем по-русски. Ольшевский — фамилия польская; возможно, что поляком или во всяком случае нерусским является и Лелевич. В пользу его не-русского происхождения, как увидит читатель, говорят и приписываемые ему советской печатью поступки.

*) Сулейман из аула Ашаги Сталь. Этот, не умеющий ни читать, ни писать („азбучно-неграмотный", согласно советской терминологии), „ашуг", творчество которого состоит в восхвалении Сталина и прочих советских „вождей" и в воспевании советских „достижений", возведен большевиками в степень гениального народного поэта.

„Лелевич мог часами говорить о дородовом фольклоре Дагестана (т. е. о том, что было создано в Дагестане до большевиков и что действительно является народным творчеством — Д.), игнорируя новые песни и стихи, которые слагаются в горских колхозах и аулах. И немудрено поэтому, что в том „наследии", которое оставил после себя Лелевич в научно-исследовательском институте, нельзя было найти ни одной советской песни, стиха или сказки, сложенных в горах после октября".

Вероятнее всего народ вообще не слагает таких песен, стихов и сказок. Этим делом занимаются хорошо оплачиваемые Сулейманы Стальские.

Все эти обширно цитируемые нами обвинения против Лелевича являются, по существу, наилучшей иллюстрацией той обстановки, в которой должны развиваться под властью большевиков литературы нерусских народов. Т. н. национальное творчество нерусских народов в СССР лишено фактически всякого национального колорита, всякой самобытности и за малейший уклон с намеченного официальной советской критикой пути следуют репрессии.

Из дагестанских писателей, кроме Багау Астемирова, пострадал в последнее время Казияв-Али, „допустивший несколько грубых политических ошибок" и принужденный на с'езде писателей в Шамиль-Кала*) „открыто признать свои ошибки", а также старейший и культурнейший поэт и писатель Дагестана (пишет на кумыкском языке) Темир-Булат Бейбулат, получивший „нагоняй" в печати за то, что на том же с'езде писателей „проповедывал с трибуны идеалистическую теорию", признавая в жизни „только три движущие силы: слово (литературу), музыку и кисть художника (живопись)". („Даг. пр."—6-XI-36).

Из сотрудников научных учреждений проверке подвергся на этот раз, главным образом, персонал т. н. научно-исследовательских институтов. В Чечне сняты с работы сотрудники Чечено-Ингушского научно-исследовательского института: Халид Яндиев (научный секретарь института) — „бывший член комитета по борьбе с большевизмом", Мациев — „член семьи крупнейших в Чечне капиталистов Мациевых", Ахмат Ножаев — „бывший мулла, враждебное лицо которого недавно было вскрыто газетами «Ленинский путь» и «Грозненский рабочий»", Трамов — „бывший царский прокурор". Все то, что ими написано и издано — „спорно, неверно". В изданиях института они занимались распространением троцкистской, буржуазно-националистической контрабанды." („С.-К. б. — 10-IX-1936).

В Северной Осетии снята с должности „троцкистка" Баракова (Баракти) — директор Северо-Осетинского научн.-исслед. института.

Следует, наконец, отметить еще одно обстоятельство, которое нельзя не признать наиболее утешительным для нас явлением. Мы имеем в виду „неблагонадежность" учительского персонала начальных и средних школ на Северном Кавказе (в этих школах обучается основная масса северокавказских детей), которая отмечается „Даг. пр." в номере от 9 сент. т. года. Говоря, что во многих школах „контрреволюционные последыши проповедуют на уроках троцкистские и националистические лозунги", газета приводит конкретный пример, в лице преподавателя гунибской неполной средней школы Махачева, который „пишет на классной доске разного рода контрреволюционные лозунги и организовывает вокруг себя классово-чуждые элементы."

Такова, вкратце, картина „буржуазно-националистических" проявлений на Северном Кавказе в настоящий момент, на 20-м году существования советской власти, тогда как, по „гениальному прогнозу" Сталина, уже в период давно закончившейся первой пятилетки, должны были быть „уничтожены до основания" „остатки прежних классов", а с ними вместе и все национальные антагонизмы и стремления.

В неменьшей мере сильны национальные ферменты на Южном Кавказе. Характерное признание по этому поводу делает Лаврентий Берия, секретарь ЦК КП (б) Грузии, в своем докладе о „Мероприятиях по дальнейшему укреплению колхозов Грузии" („Заря Востока" — 1-IX-1936).

„Задачи укрепления колхозов — заявляет Берия — требуют усиления борьбы партийно-советских органов в деревне с проявлениями антисоветской контрреволюционной работы меньшевистских, дашнакских, мусаватских и кулацких элементов, с подрывной белогвардейской работой контрреволюционеров троцкистов-зиновьевцев"...

И немногое далее:

„...Органами НКВД Грузии в последнее время в деревне и в колхозах Грузии разоблачен ряд контрреволюционных меньшевистских, дашнакских, троцкистских и прочих контрреволюционных групп.

Эти факты свидетельствуют о том, что классово-враждебные элементы не сидят сложа руки, а ведут свою подрывную работу".

Это признание в корне противоречит хвастливых словам самого же Берия, которые им были высказаны в июне т. г., в статье по поводу проэкта новой советской конституции. В этой статье Берия утверждал, что „успехи и победы" советской власти на Южном Кавказе „в корне ликвидировали почву для контрреволюционной деятельности меньшевиков, дашнаков и мусаватистов". Ныне же, под давлением фактов, Берия вынужден признать не только наличие антисоветской национальной работы, но и то, что эта работа требует против себя „усиленной борьбы партийно-советских органов."

Однако, советский аппарат и аппарат партии и на Южном Кавказе не являются для такой борьбы надежным орудием. Ибо „буржуазный национализм" и здесь уже проник в наиболее высокие сфе-

*) С'езд т. н. союза советских писателей Дагестана, который имел место в начале ноября т. г.

ры коммунистических работников местного происхождения и даже туда, где, по существу, ему ни в коим случае не должно было быть места.

Так например, в Азербайджане „буржуазным националистом“ оказался директор института марксизма-ленинизма (!) Махмуд Агаев, которого пришлось изгнать с занимаемого им поста и исключить из партии („Бак. раб.“ — 28-VIII-1936). Националистами оказался и целый ряд руководителей районных партийных организаций, которых постигла подобная же участь.

„Националистическая крамола“ гнездилась и в эриванском институте марксизма-ленинизма, директором которого был Степанян, б. наркомпрос ССР Армении, разоблаченный, в качестве главы троцкистско-националистической группы при институте, незадолго перед самоубийством Ханджяна.

И вообще, это самоубийство связано с наличием большого брожения в рядах армянских коммунистов. Подробности событий только теперь начинают быть выявляемы официальными советскими кругами. Довольно подробно об этих событиях пишет Берия в статье: „Развеять в прах врагов социализма“ в „Правде“ от 19 августа. Еще более подробно говорит о них Аматуни, новый секретарь ЦК КП (б) Армении, в своем докладе на собрании актива эриванской парторганизации 2 октября. Интереснее всего, что доклад этот появился в „Заре Востока“ почти через месяц — 30 октября. Видимо, репрессии против „национал-уклонистов“ в Армении приняли такие размеры, что возникла необходимость обосновать их в пространном об'яснении.

В своей статье („Развеять в прах врагов социализма“) Берия дает развитию националистических влияний среди кавказских коммунистов следующее об'яснение:

„Среди некоторой части старых кадров грузинской и армянской интеллигенции еще сильны националистические настроения. Очень часто враг пытается использовать это. Вместо того, чтобы настойчиво работать над интернациональным воспитанием этих групп интеллигенции, отдельные коммунисты, а иногда и руководящие работники, сами очень часто мало разбираясь в вопросах национальной политики партии, поддакивают отсталым националистическим настроениям, путают других и себя, а иногда переносят вредные националистические настроения в ряды партийных организаций. Коммунист должен влиять на окружающих, вести за собой, а у некоторых коммунистов происходит наоборот: на них влияют националистические и враждебные элементы, используя их в своих целях.“

В этом признании, сам не замечая того, Берия раскрывает перед нами бессилие коммунистическо-советских лозунгов в борьбе с национальной идеологией кавказских народов. Оказывается, на 18-м году оккупации кавказских республик, несмотря на бешенный террор, свирепствующий все это время в наших странах, кавказская национальная идея не только не разгромлена, не только не находится в дефенсиве, но, наоборот, наступает, распространяется все более и более, проникает не только в широкие народные массы и низы компартии, но захватывает и партийные верхи, ответственнейших и, казалось бы, испытанных коммунистов, заставляя их воспринимать свои лозунги.

Этот момент, содержащийся в признании Берия, всецело подтверждается тем фактическим материалом, который представлен нами в настоящей статье.

ОБЗОР ПЕЧАТИ

„За нашу и вашу вольность“

Среди т. н. прометейских выступлений на страницах польской печати, выступлений, посвященных проблемам угнетаемых Россией народов - кстати, особенно частых в последнее время—нельзя не отметить статью г. Юзефа Лободовского, талантливого поэта, писателя и публициста, появившуюся недавно в распространенном варшавском еженедельнике „Wiadomości Literackie“. Статья написана с большим темпераментом и отличается знанием предмета, а главное, сочетает благородный идеализм с практическим, реальным подходом к рассматриваемой проблеме.

Статья озаглавлена: „За нашу и вашу вольность“. В начале автор выясняет природу большевизма, говоря, что большевизм стал причиной тяжкого разочарования всех тех, кто верил в благотворную сущность его лозунгов. В Москве было совершенно „величайшее мошенничество“, невиданное доселе на протяжение всей истории человечества. Вместо режима, достойного свободного человека и оправдывающего принесенные жертвы, предстала „старая, знакомая фигура николаевского жандарма, подавляющего критицизм, уничтожающего жестоко каждую самостоятельную инициативу“.

Но основная часть статьи посвящена национальной политике советской власти и освободительным стремлениям угнетаемых народов.

„Во время военного коммунизма—пишет Лободовский—стремление к дроблению на республики и районы было так велико, что даже сам Ленин должен был сдерживать эти центробежные проэкты, иронизируя на тему „самоопределения Московской губернии“. Но и Ленин кажется наивным человеком в сравнении с теперешними кормчими социалистического государства. Самоопределение вскоре приобрело почти принудительные формы, ибо этого требовал старый, испытанный принцип „divide et impera“. На практике это выглядит так, что некоторые провинциональные и языковые различия исполь-

зуются для создания нескольких малых народов с целью недопустит их к более тесному об'единению. Наиболее ярко, пожалуй, это заметно на Северном Кавказе, где каждый диалект возведен в степень отдельного языка, каждое горское племя рассматривается как отдельное целое".

Осветив в дальнейшем советскую политику на Украине, автор переходит к положению на Кавказе.

„На Кавказе,—говорит он—где топографические условия благоприятствуют всякой ирреденте, в горах почти беспрерывно продолжается мелкая партизанская борьба, которая в некоторые периоды охватывала всю страну. Местная большевистская печать заполнена заметками о нападениях „бандитов" и массовых экзекуциях. Это—весьма оригинальные бандиты, которые исключительно нападают на видных коммунистических деятелей, членов ГПУ, милицию и государственные учреждения.

Национальный сепаратизм, а вернее — освободительная деятельность, выявляется на Кавказе не только в такой непосредственной революционной форме: упорная борьба ведется всюду, не исключая партийных организаций. Отсюда—постоянные чистки, обвинения в скрытом национализме, принуждения к отказу от допущенных ошибок и уклонов. Партизанская война, проводимая с большим успехом в 1930—32 г.г., показала, что на членов партии нельзя полагаться—неоднократно бывали случаи многочисленных переходов активных коммунистов на сторону повстанцев. Нужда, вызванная хищнической политикой Москвы, рассматривающей Кавказ в качестве завоеванной колонии, еще более увеличивает антирусские тенденции. На всеазербайджанском с'езде комсомола в Баку молодые коммунисты решительно требовали экономической самостоятельности, получив на это ответ партии, что это невозможно, так как „ведет и к политической независимости, к разрыву с русским пролетариатом".

Львиную долю своей деятельности партия должна посвящать борьбе против националистических уклонов. Украинская „скрыпниковщина" находит свое отражение в „махарадзевщине" в Грузии, „ханбудаговщине" и „эфендиевщине" в горах Кавказа, „ибрагимовщине" в Крыму. Подчеркиваю, что крестными отцами этих националистических ересей являются старые, заслуженные революционеры, вроде Скрыпника или грузина Махарадзе, которые не пожелали примириться с унификационной политикой псевдосоциалистических шовинистов.

В то время как на Кавказе проводится работа, долженствующая укрепить русскую оккупацию, более чем миллионная кавказская эмиграция, разбросанная по всей Европе и Ближнему Востоку, об'единяется организационно и проводит плодотворную работу в области культуры и публицистики. Недавно произошло незамеченное нашей прессой, но весьма важное событие—заключение пакта между представителями эмиграций Грузии, Северного Кавказа и Азербайджана. Отныне освободительные усилия отдельных кавказских народов должны быть точно координированы во имя общегосударственного блага будущей Кавказской Конфедерации".

Автор считает, что прометейская проблема, проблема угнетаемых Россией народов, может „решающе повлиять на судьбы не только Европы, но и мира":

„Народы Украины, Крыма, Кавказа, Туркестана стремятся к независимости, и раз они имеют твердую волю добиться ее, то рано или поздно они ее получат. Победоносная борьба за свободу кого-нибудь из них повлечет за собой автоматически освобождение иных. Россия должна будет отойти к своим этнографическим границам и изжить в своем сознании сны о империи, занимающей шестую часть мира".

Но не это является для автора главным в надвигающихся событиях. Анализируя преображения, которые имеют место на мусульманском Востоке, он приходит к выводу, что „с момента, когда Россия будет отброшена к северу, положение радикально изменится и ничто не будет в состоянии задержать об'единение народов ближнего Востока в одну турко-татарскую федерацию".

Затем он продолжает:

„В дальнейших последствиях это будет означать возникновение блока государств с мусульманской культурой, в который должны будут войти Иран, Ирак, Авганистан. Это будет могучая порция динамизма для всего Ислама и смертельный удар для европейского господства не только в Сирии и Аравии, но и в северной Африке и Индии."

И далее:

„Такое радикальное изменение политического положения на Ближнем Востоке приблизит на много лет момент цивилизации всех народов Азии и выдвижения их на общемировую политическую и культурную арену. Паназиатские усилия Ниппона получат тогда могучего союзника на противоположном берегу огромного континента. Европа не дает себе в этом отчета, во всяком случае не придает достаточного значения назревающим событиям. Привыкнув рассматривать иные расы в аспекте эксплоататорско-колонизаторском, она в сущности не предпринимает ничего, чтобы изжить печальную традицию, установленную еще корсарами, бандитами и авантюристами, действительными основателями ее заморского могущества и господства над миром."

Юзеф Лободовский считает, что единственной силой в Европе, учитывающей надвигающиеся события, является национал социалистическая Германия.

„Русский социализм — пишет он — имел все возможности для освобождения народов Азии и приобщения их к современной цивилизации. К сожалению, он дегенерировался, пошел по следам царского режима, проиграл свою карту

и сегодня в азиатской политике постоянно отступает перед японской экспансией. В Европе же существует только один фактор, который видит серьезность рассматриваемых проблем и не отказывается от действительного участия в их разрешении. Этим фактором является германский фашизм. Известные планы Розенберга являюся ничем иным, как только вступительной частью задуманной в обширных размерах попытки проникновения в среду заинтересованных народов, с помощью им против России, и все это с целью реализации собственных националистических планов".

В этом стремлении германского национализма автор видит угрозу не только для народов Украины и Ближнего Востока, которые „окажутся в границах экономического, а следовательно и политического проникновения германского империализма", но и для Польши, могущей очутиться в роли „прихожей Райха, вассала, играющего меньшую роль, чем когда-то играло княжество Мешка I."*) Учитывая это обстоятельство, а также всегда актуальную опасность со стороны России, Лободовский идее прометеизма в Польше придает не только идеалистическое, но и практическое значение. Выдвигаемый им лозунг „За нашу и вашу вольность" он, подобно польским патриотам периода освободительной борьбы, рассматривает в двойном аспекте: альтруистических предпосылок и велений реальной необходимости.

> „Все, — пишет Лободовский — что мы имеем действительно ценного в наших национальных традициях и культуре, все это протестует против насилия в какой бы то ни было форме. Защищаясь против него, мы ищем союзников и тогда к нам возвращается старый лозунг «За нашу и вашу вольность»."

В надвигающихся событиях, говорит автор в заключении статьи, решающую роль сыграет сила — прежде всего сила идеи. А эту идею, как мы видим, автор выражает лозунгом героической эпопеи польской освободительной борьбы — „За нашу и вашу вольность."

Это и нас интересует

В газете „Corriere Diplomatico e Consolare", в номере от 30 ноября 1936 года, помещена весьма интересная статья итальянского публициста г. Энрико Инсабато, известного друга угнетаемых Россией народов. Статья посвящена беседе, которую имел недавно с сотрудников бельгийской газеты „XX Siècle" г. Альфред Розенберг, шеф-редактор национал-социалистического официоза „Völkischer Beobachter". Заглавие статьи: „Несколько вопросов г. Альфреду Розенбергу". Приводим ее полностью:

> „Господин Альфред Розенберг, который благодаря своей глубокой проницательности стал одним из наиглавнейших создателей идеологии нацизма, сказал в недавней беседе с сотрудником „XX Siècle" следующее: „...мы не хотим войны с СССР. Пусть русские управляются как хотят. Но мы не позволим того, чтобы коминтерн, навязывая свои варварские лозунги, продолжал в Европе свою деструктивную работу. У нас коммунизм окончательно уничтожен. Но мы являемся не только немцами, мы являемся еще и европейцами. Поэтому то мы боремся против деструктивной акции Москвы".

Мы вполне согласны с этими взглядами!

Италия, как известно, не была последней среди тех государств, которые подняли знамя антибольшевизма, и не будет первой из тех, которые его опустят: пока угрожающая европейской цивилизации, в самом широком значении этого понятия, опасность не будет устранена, Италия не сойдет со своего боевого поста.

Но если для Германии борьба с коммунистическим интернационалом может быть в конечном результате не только оборонительной акцией, но и осуществлением программы влияния на востоке Европы, следовательно — осуществлением некоей конструктивной программы, то для других народов центральной и восточной Европы чрезвычайно важной является не только проблемма борьбы с идеологией большевизма, но и вопрос будущих судеб той территории, которая служит оперативной базой большевизма, т. е. СССР.

Большевистская идеология является, конечно, идеологией деструктивной и против нее нужно бороться так, как это сделал сначала фашизм, а потом нацизм, но она опасна и угрожающа, так как располагает армией, экономическими богатствами и дипломатией СССР.

Если бы большевизм не обладал своим ubi consistam в этих определенных пределах и не исполнял бы велений Москвы, пользуясь ее тайными фондами, то наверное не пользовался бы таким успехом среди снобов, творящих во многих странах общества „друзей СССР."

Отсюда возникает вопрос, который ставят перед собой с некоторым беспокойством другие государства, в особенности соседящие с Советами (к числу коих могут быть отнесены Иран, Турция и Ниппон): представляет ли большевизм, как таковой, в условиях отсутствия территориальной базы или, иначе, пространств Союза Советских Социалистических Республик, такую опасность, которая требует идеологического крестового похода, или же для защиты перед ним достаточной будет соответствующая бдительность полиции?

Перестал бы быть опасным Союз Советских Социалистических Республик, если бы он преобразился в империю с новой, националистической или расистской, идеологией? Разве не повторялось тысячекратно и в Германии, что коммунизм является всего лишь новой маской царского панславизма?

Разве недавно, во время манифестаций по поводу новой конституции, не развевались во всей Москве красные флаги рядом с трехцветными флагами старой России?

*) Первый польский король из династии Пястов.

Разве новая конституции не имеет в сущности целью более тесное и сильное об'единение СССР?

Разве французское массонство, евреи и англиканская церковь не постановили недавно и окончательно помочь централистической и демократической эволюции федерации советских республик, дабы эта федерация могла вместе с иными „демократиями" нивелировать влияния блока тоталитарных государств?

Разве славянские страны, которые до сегоднешнего дня не хотели признать советское правительство, могли бы и далее игнорировать Россию, облеченную в новый демократический плащ?

Разве, наконец, иные страны, как например, Финляндия, Польша, Румыния, Турция и т. д. будут в состоянии придать своей политике определенное направление без наличия конструктивной программы, не ведая — какая судьба ожидает все народы, которые угнетаются в СССР?

Упомянутой декларации ничего нельзя поставить на вид постольку, поскольку она касается собственно России, России этнографической, но, однако, требуется небольшое пояснение: может быть СССР является Россией? Или же, лучше, охватывает ли Россия весь Союз?

Только ответ на эти вопросы может осветить возможную судьбу наступления, подготавливаемого об'единенным еврейско-массоно-англиканским фронтом."

К сожалению, подобного рода вопросы можно задать всей мировой антикоммунистической общественности, в том числе и итальянской, и, пожалуй, исключая значительную часть польской общественности, которая, помня времена недавней недоли, учитывает в достаточной степени размеры русской опасности, питающей себя соками одной шестой части земного шара и непосредственно примыкающей к границам возрожденного государства.

Зато центры активного антикоммунизма до сих пор не выявили точно своих позиций. До сих пор неизвестно: борятся ли они лишь против воинствующего международного коммунизма и его базы — советско-большевистского режима в Москве, или же они, одновременно с этой борьбой, ведут борьбу вообще против мессианско-империалистических концепций русского духа, одной из разновидностью которых является большевизм, как в свое время являлся панславизм и является, особенно среди дальневосточной русской эмиграции, евразизм? До сих пор мы не знаем — борятся ли международные, и в первую очередь германские, итальянские и ниппонские антикоммунистические силы, лишь против режима в Москве или же они стремятся к радикальной нормализации положения в восточной Европе и в прилегающих к ней частях Азии, которая возможна только при условии развала советской империи и создания вместо нее независимых государств из ныне угнетаемых стран?

Ответ на этот вопрос интересует и нас в неменьшей мере, чем он интересует старого друга кавказских народов г. Энрико Инсабато.

По следам традиций отцов

Характерным дополнением рассмотренной нами выше статьи г. Юзефа Лободовского является статья г. Петра Ласкавца, помещенная в ноябрьском номере ежемесячника „Młody Polityk i Ekonomista"—органе студентов трех польских Высших школ политических наук (в Варшаве, Кракове и Вильно). В этом же номере помещена резолюция Языковедческого с'езда народов „Прометея", который имел место летом т. года. Статья является, как бы, дополнением упомянутой резолюции. Раз'яснив читателям сущность движения народов „Прометея", а также цели и задачи Языковедческого с'езда, Ласкавец пишет:

> „Заглушаемые шумно рекламируемыми европейскими событиями и не пропускаемые советской цензурой, сведения о непрекращающихся волнениях среди прометейских народов свидетельствуют о силе политической и, прежде всего, этнической сопротивляемости этих народов.
>
> В их иной, чем русская, культуре, иных традициях и языках содержится вся мощь долженствующего так или иначе наступить освобождения народов, борющихся за свои высокие права. В этом заключается непреложная истина прометейских лозунгов.
>
> Молодое поколение Польши, предки которого давали такое количество примеров борьбы за свободу иных народов (вспомним, хотя бы, примеры этой борьбы в Америке, Голландии, Венгрии и Турции) и более чем кто-либо, в течении 150 лет, боролись за собственную свободу, — скорее сможет понять те идеи и цели, которые вдохновляют борющиеся народы „Прометея", и тем скорее, чем сильнее и действеннее усилия прометейских народов будут свидетельствовать о их подготовке к восприятию собственных свободных отечеств, ради которых они ведут справедливую борьбу."

Дух Пуласских, Бемов, Лапиньских живет и развивается в молодом поколении освобожденной Польши.

Ишачьи измышления

В октябрьских номерах парижского „L'Illustration" некий Пьер Ишак (Pierre Ichac) решил развлечь читателей корреспонденциями из Сирии. Известная часть в них посвящена вооруженным силам Франции, поддерживающим в подмандатной Сирии не особенно твердый престиж Третьей республики. В этой части Ишак вспоминает и о черкесах, которые, как известно, комплектуют в сирийских колониальных войсках отдельные конные части. Ишачья компетенция в черкесском вопросе достойна внимания.

> „Это (речь идет о составе колониальных войск)—пишет он —суть: марокканцы, алжирцы,

сенегальцы, спаги, конные сирийские жандармы и, наконец, черкесы, которым судьба—кажется, вот уже в течении нескольких веков—предназначила на всех полях битв Ближнего Востока достойно носить высокие каракулевые шапки, русские рубахи, застегивающиеся с боку (Ишак, видимо, нарядил черкесов в „косоворотки"), патронташи на перевязи и кинжалы. Они служили царям и защищали их границы против турок. Турками они были переселены со склонов Кавказа в Сирию и сделались наемниками турок. Сегодня, эти из Сирии, служат французам, а находящиеся в Трансиордании составляют личную гвардию эмира Абдулла. Свою роль они продолжают. Однако, в своих опереточных мундирах, на своих конях с лебедиными шеями и стройными ногами—они являются фаворитами дня."

Так в ишачьем толковании представляется трагедия, которую пережила и переживает наша старая эмиграция.

Блок государств центральной и восточной Европы

В некоторых польских общественно-политических кругах (особенно, среди радикально настроенной националистической молодежи) весьма популярна идея создания, под водительством Польши, блока государств восточной и центральной Европы, который противопоставил бы себя, с одной стороны, Германии, а с другой — России. Идея эта, усиленно пропагандируемая многими печатными органами, репрезентирующими различные оттетки польской патриотической мысли, недавно представлена известным католическим публицистом г. Чарнецким в интересном сопоставлении с идей прометеизма. Будучи на одном из дискуссионных вечеров варшавского клуба „Прометей", г. Чарнецкий изложил затем свои впечатления в специальной заметке на страницах журнала „Przegląd Katolicki" (№ 45, 22-XI-36), высказав в заключении и несколько своих мыслей.

„Несомненно, — пишет Чарнецкий в заключительной части своей заметки—что в Польше существует наиболее благодарная почва для расправы с Россией. Союз Польской Государственной Мысли гласит в своих программных тезисах: „Самым большим естественным нашим врагом является Россия." Всякая Россия—царская ли она или советская, белая-ли или красная. Ибо ее всегда оживляет один и тот-же империализм, заполняет одна и та же деструктивная моральная атмосфера. Покончить с этой московской опасностью является необходимостью и в этом случае мы должны использовать такой благоприятный момент, как сепаратистические, освободительные движения народов красной российской „федерации". Поэтому предвидящая польская политика должна позитивно относиться к прометейскому движению. Сотрудничество с этим движением зависеть будет от соответствующей ориентации его руководителей в определенных тактических вопросах: с кем и против кого? Весьма утешительно звучит взгляд проф. Смаль-Стоцкого о том, что „прометейские" народы не считают немцов своими союзниками.*) И правильно! Германия—это злой гений России, это—тот „Geist der stehts verneint", который господствовал в царской России и который ее разрушил заразой коммунизма в ленинской, запломбированной немецкой наукой и политикой, пробирке. С другой стороны—мы, поляки, должны покончить со всякой ориентацией на Россию, той ориентацией, которая даже заставила нас в семнадцатом столетии искать кандидата на престол в Москве. Выводы звучат просто, ясно. Государственный интерес Польши заключается в ослаблении и развале Москвы. Поэтому Польша будет поддерживать прометейские движения. Однако, она считает, что их руководители будут согласовывать свою тактику с велениями польских государственных интересов, что они будут делать все то, что усиливает позиции этой наиболее близкой им гарантки и, следовательно, будут способствовать своим общественным мнением, настроениями и акцией консолидации, на основе инициативы Польши, блока государств центральной и восточной Европы, который будет одним из наибольших поручителей постоянства освобождения прометейских народов."

Во-первых, ответим на основной вопрос, поставленный нам г. Чарнецким: с кем мы и против кого?

С кем? — Со всеми теми, кто признает справедливость наших требований и готов сотрудничать с нами на основе обоюдной пользы и согласно лозунга: „равный с равным – вольный с вольным." Против кого?—Конечно, пока что (пока мы не узрим иных, явных врагов) против России, которая не только держит народы наши в условиях тяжкого рабства, но и физически истребляет нас. Поэтому и запломбированный вагон Ленина не вызывает в нас возмущения, ибо он был одним из факторов, рассеявших иллюзии о могуществе царской России, положивших начало ее распаду и показавших, что, несмотря на блестящий фасад, Россия и сейчас является колоссом на глинянных ногах.

Что же касается идеи блока ныне существующих государств центральной и восточной Европы, которая, согласно г. Чарнецкого, диктуется велениями государственных интересов Польши (хотя, добавим, далеко не вся польская общественность думает так, как автор рассматриваемой нам заметки), то откровенно говоря, мы не видим реальных путей к осуществлению этой идеи. Мы не видим реальных путей, которые вели бы, например, к мирной ликвидации антагонизмов, существующих между государствами бассейна Дуная, антагонизмов органических, имеющих, вдобавок ко всему, могущественных покровителей как на востоке, так и на западе. Мы не видим так-

*) К такому выводу автор пришел на основе слов проф. Смаль-Стоцкого, который, говоря об идеологии и тактике „Прометея", высказал взгляд, что германская общественность не может считаться надежной союзницей народов „Прометея", так как не выявила еще своего отношения к освободительному движению угнетаемых Россией народов и борется лишь против коммунистической Москвы.

же возможностей, которые позволили бы изжить органический руссофилизм, например, чехов (не говоря уже о руссофильстве балканских православных славян), которым всегда и более чем какая либо иная страна будет импонировать Россия с ее 22 милл. кв. клм. территории, 180 милл „населения, а ныне и Магнитогорсками, Днепростроями и т. д. Наш скептицизм поддерживается и многими другими причинами, но говорить о них здесь у нас нет места.

Но если бы эта идея была осуществима, то и в этом случае наше отношение к ней должно быть отрицательным. Реализация ее, возможная — даже в найболее благоприятных условиях — по прошествии десятилетий, означала бы наступление равновесия в международных отношениях на протяжении новых десятков лет, означала бы стабилизацию, а нам нужна динамика, нужны глубокие международные потрясения, новый 1914 год, ибо только он может вызвать радикальные перемены и способствовать нашему освобождению. Подвергаясь физическому истреблению, мы не можем возлагать свои надежды на осуществление сомнительных политических проэктов, жизненность коих опровергается всем реальным положением современной Европы. Мы ждем грядущей войны с неменьшим нетерпением, чем ждали ее те, кто в 1914 году, казалось бы в безнадежной обстановке, пошли с оружием в руках устанавливать границы независимой Польши. Результаты этой войны для нас очевидны: она закончится разгромом России.

И вот, учитывая этот результат, мы видим в Польше силу, которая в критический для нас момент будет выразительницей идеи „Прометея" и будет способствовать реализации наших освободительных стремлений. И это не только потому, что в Польше по старому звучит лозунг „за нашу и вашу вольность", но и потому, что разгром и распад СССР навсегда отстранит возможность — ну, хотя бы — нового германо-русского сближения, а главное, даст реальную почву Польше для организации на востоке Европы действительно жизнеспособного международного блока в том или ином составе, в который могут войти и те или иные государства центральной Европы.

Из нартовских сказаний

Нарт Кянжоко Шаой

(Кабардинский вариант)

Нарты Насрен и Сосруко вдвоем ехали на санопитие [1].

Всадник одинокий Кянжоко Шаой почти голый, босой ехал на своей плохой вороной лошаденке по другой дороге.

Нарты встретились на скрещении двух дорог. Дальше двинулись втроем. Приблизились к месту, где было санопитие. Первые два и говорят друг другу: „Именем Тха [2] клянемся, не в'едем туда с этим грязным оборванцем. Оставим его где нибудь". Сосруко говорит: „Ради него обернусь морозом: пусть околевает, коли ему угодно". Сосруко по своему хотению мог обращать себя в мороз, в туман, в дождь, в снег, в иней, в реки.

У дороги стоял курган. Доехали до кургана нарты. Тут Насрен сказал:

— Ну, у нас есть дело. Пройдет восемь дней — возвратимся. Более не задержимся. Если тебе не будет тяжко, жди нас на этом кургане.

— Конечно, конечно. Очень хорошо. Не только неделю, месяц могу подождать, — ответил Кянжоко.

По нартскому хабзе [3], раз старший скажет: „Это сделай так-то", никто против ничего не мог сказать, твердо выполнял, почитал недостойным себя нарушить волю старшего. Скажет старший: „Дай мне вот это!" — нарт непременно даст просимое. Только коня и оружие не давал он, а все остальное, начиная с одежды и кончая женой, уступал.

Поехали дальше два всадника. Сосруко по пути сотворил мороз и оставил его позади себя. Затем и говорит о покинутом: „Пусть околевает этот оборвыш. Именем Тха клянусь, если он останется в живых — значит, велико его мужество".

Санопитие, по нартскому хабзе, продолжалось неделю. Столько времени там были Сосруко и Насрен.

А здесь Кянжоко Шаой снял со своей старой вороной лошаденки седло и пустил ее пастись. Сам же завернулся в свою бурку и улегся. Выпало много снегу. Кянжоко лежал без движения. Так прошла неделя. Кончилось санопитие. Насрен и Сосруко говорят: „Посмотрим-ка, что там сталось с покинутым. Именем Тха клянемся, если ему предстояло когда-либо погибнуть, — он уже погиб". Так сказали они и под'ехали к кургану.

— Э-эй, ты жив еще? — кличут они.

— Да, да, я жив, — сказал Кянжоко, быстро вскочил, стряхнул с себя снег. Его вороная лошаденка в одном месте разбросала копытами снег — стоит и ест себе сено. Кянжоко поймал лошаденку, оседлал ее.

„Кто бы он ни был, он — мужественный шао [4]", сказали оба всадника.

Отправились дальше. Кянжоко по дороге говорит:

— Теперь я поеду. Есть у меня одно дело. Возвращусь через неделю. Хотите, поедемте. Если скажете: „Нет, не поедем", то, думаю, подождете меня, как я вас ждал. Посмотрите, каким я приеду.

— Конечно, конечно. Ты ждал нас, и мы подождем тебя, — ответили нарты.

Остались. Шаой знал, где находились два славных коня из породы альпов [5]. Он задумал завладеть ими.

Альп-конь — богатырь, в силе и беге нет ему равного. Альпы были крылатыми, и могли они гово-

рить человеческой речью. Буланый конь Тотреша, Тхожей Сосруко — альпы.

Кянжоко взломал конюшню, где стояли альпы, вывел двух альпов и вместе с ними примчал к кургану в срок.

— Ну как, благополучно? — спрашивает он.

— Да, да, благополучно, был ответ.

Втроем они двинулись в путь. Насрен и Сосруко на скрещении дорог сказали Шаою:

— Мы поедем этой дорогой. Желаем тебе счастливого пути.

— И вам желаю счастливого пути. Хочу только вам сказать одно. Мы были вместе. Положено у нартов найденное делить. Вот доля старшего [6], прими ее! — сказал Шаой и дал Насрену Бороде одного альпа.

Тогда Насрен Борода и Сосруко посоветовались и решили, что надобно им узнать, кто этот одинокий всадник.

— Если не в стыд сказать,—скажи кто ты,— просили они.

— Кто хочет знать мое имя, того уважаю. Я—Кянжоко Шаой, родительницы грозной единственный сын. [7] Думаю, вы слышали обо мне?—отвечает юноша.

— Ладно. А я — Насрен Борода. А этот вот — Сосруко, первейший муж. Мы обошлись с тобою плохо, заставили ждать нас, но ведь мы не знали тебя, — говорит Насрен.

— Нет, я не виню вас. Мало ли делается подобных дел. Я ведь не умер из-за того, что вы заставили ждать, — ответил Шаой.

Сосруко задумал породниться с ним. Об этом он сказал Насрену Бороде.

Насрен Борода и говорит Шаою:

— Если не отвергнешь, мы желаем породниться с тобою. Есть у нас красавица-сестра, мы выдадим ее за тебя.

— Хорошо, хорошо. До сих пор близких себе я не видывал; врагов, сколько хочешь, видывал. Пусть будет по-вашему, — сказал Кянжоко и отдал Сосруко, как калым, последнего альпа.

Назначили срок встречи и раз'ехались.

Кянжоко Шаой — славный всадник. Был он всадником одиноким. Всем ведома его мать—грозная женщина.

Когда Шаой шел в набеги, не брал он с собою спутников, всадников. За слабость, мужа недостойную, почитал Шаой брать с собою спутника, всадника. Сам он, подобно Батыру старому, жил между двух морей [8]. Когда собирался в поход, надевал он платье рваное, плохое платье.

Лашин, нартская девушка, долго выбирала себе мужа среди нартов. Выбрала Шаоя. Лашин хорошо пела, играла на пшина [9], плясала несравненно, лучше всех кроила и шила. Она сложила насмешливую песню о нартах. Она из всех нартов выбрала одного Шаоя. Шаой на своем коне переправлялся и через Идыль [10]. Совершит набег и, как всегда, возвратится невредимым. Но Шаой не желал брать в жены Лашин, и из-за того не желал, что она всем мужественным нартам дала непристойные звания-клички. И сам Шаой сочинил песню о Лашин:

Весною у старой коровы
Преет хвост от жары.
Твоя пазуха—сиськи здоровые,
А сиськи длиннее,
Чем юбка-отрепье.
О сотне героев
Ты каркнула злое.
Так вот—не женюсь на тебе,
Сучья дочь.

Настала пора явиться к Сосруко. Шаой под'ехал к дому Сосруко, но не застал там никого. Снял он с своей вороной лошаденки седло и пошел с ним в конюшню. Там увидел он альпа, того самого, какого он отдал Сосруко. Шаой и говорит своей вороной: „Этот альп—твоя заслуга. Немедля прогони его криком из конюшни, а сама стань на его место.“ Вороная стала драться с альпом.

Альп победил и выгнал из конюшни вороную.

— Эх-эх, моя лошаденка вороная, старая, не дело, что он тебя осилил,—говорит Шаой.

— Семь дней, семь ночей ни травинки не брала я в рот. Не моя в том вина, что он меня победил,— ответила вороная с обидой.

Шаой поставил свою вороную в другое место.

Сам же не вошел в кунацкую, а прошел прямо в дом. Там он застал девушку. Тогда он снял со стены пхапшина [11] Сосруко и начал играть без слов. Девушка поняла, о чем играет вошедший. Он играл:

Ну, Сосруко нету дома,
Где ж пропала Сатаней?

Она знала, что Сатаней сидит у соседки и пошла позвать ее. Когда девушка выходила, Шаой глянул на нее и стал играть:

Ой, и хороша красотка!
Только чуть хромает,
И притом нарочно.

Девушка догадалась, что этот молодец—Шаой, ее жених. В одном чевяке девушки была положена подстилка. Шаой это заприметил.

Девушка вернулась вместе с Сатаней. Она уже успела вынуть подстилку, которая вынуждала ее прихрамывать. Девушка вошла в комнату, бросила на пол подстилку, и Шаой понял, что она вовсе не хромая.

Затем явился Сосруко, крепко обрадовался гостю. Собрал всех нартов и устроил свадьбу.

Шаой забрал сестру Сосруко к себе домой и уехал к междуморью.

---

1 — Сано = богатырский напиток нартов в кабард. сказаниях.
2 — Тха = Бог.
3 — Хабзе = обычай, правила приличия и т. п.
4 — Шао = удалец (жених).
5 — Альп = сказочная порода коней.
6 — Старшему давалась доля даже в том случае, если он не участвовал в набеге или на охоте. Это отмечается и в других племенных вариантах — например, в осетинских сказаниях.
7 — То, что мать Кянжоко является „грозной“, должно следовать из утерянных сказаний.
8 — „Между двух морей“ жил нарт Тлебыца — „владетель больших табунов“.
9 — Пшина = старинный муз. инструмент; теперь — гармонь.
10 — Идыль = Волга.
11 — Пхапшина — старинный семиструнный инструмент.

KÜÇÜK HABERLER — ХРОНИКА

KAFKASYA HABERLERI — ВЕСТИ С КАВКАЗА

SOÇİ ŞEHRİNİN ADI NERDEN GELMİŞTİR

Soçi „Kurort gazetesi" bu başlık altında şu fıkrayi kaydetmektedir:

— „Geçen asrın altmışıncı yıllarına dogru şehrimizin yakınlığında bulunan dağlarda ubıh nam çerkes kabilesi yaşıyordu. Bu kabileden Soşsça adını taşıyan bir aile, bilahere kendi adını alımış olan Soşsça—psta (psta—ırmak) dağ ırmağı kıyısına yerleşmiştir. Çar orduları Kafkasya sahillerini işgal ettikten sonra çerkes kabileleri Türkiye'ye hicret etmişlerdi. Şimdiki şehrin yerinde, Soşsça—psta'nın denize döküldüğü mahelde bir rus oturağı olmuş ve bilahere bunun etrafında köy vücude gelmiştir. Ruslar „Soşsça—psta" ırmağının adını „Soçi" ye degişmiş ve bu ad ırmaktan alınarak bilahere şehre verilmiştir".

Şunu ilave etmek lazımdırki, Soçi'nin yakınlığında, ayni suretle Tuapse ve Anapa mıntakalarında şapsuk ve natuhayların yurtları buğun bile mahfuzdur. Tuapse mıntakasındaki yurtlar şimdi Şapsuk millî mıntakasını teşkil etmektedir.

MUHTELİF HABERLER

— Agustos sonlarında Psihuabe'de, bütün „muhtar eyaletler" ve Dağıstan kadın mümessillerinin iştirak ettiği dağlı kadınlarının ülke „spartakiadı" vuku bulmuştur. Spor kollektivlerinin umumî tasnifatına göre birinci yeri—Kabardin—Balkar sporcusu, ikinci yeri—Şimalî Osetiya, üçüncü yeri—Dağıstan, dördüncü yeri de—Çeçen—İnguşistan sporcuları kazanmışlardır Kazanan bütün bu kollektivlere mükâfat verilmiştir. Beşinci yeri kazanan Karaçay, altıncı yeri kazanan Çerkesistan ve yedinci yeri kazanan Türkmen mıntakası kollektivlerine de tahsin diplomu verilmıştir. Hafif atlet sporunda birinci ferdî mükâfat (krepdeşin elbiselik) Arçekova (Şim. Osetiya) ile Salamova (Kabardin—Balkar) arasında taksim edilmiş, koşuda birinci mükâfat (iskarpin) Şinahova'ya (Kabardin—Balkar), el bombası atışda birinci mükâfat (ipek elbiselik) Broyeva (Kabardin—Balkar) tufek atışında birinci mükâfat (küçük tüfek) Yuropa'ya (100 puandan 91 puan yapmıştır) verilmiştir. Bunlardan başka Tlisova, Lagoşa Glova, Zagurova, Talazova, Tengizova, Mamayeva, Elembayeva ve yarışlara iştirak eden bütün spor kollektivlerinin diger mümessilleri dahi mükâfatlandırılmışlardır. Sovyet matbuatının haber verdigine göre yarışlar „fena netice vermemiştir.

НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА УКЛОНЯЕТСЯ ОТ ПЕРЕПИСИ

Как известно, в начале 1937 года должна быть проведена вторая всеобщая перепись населения СССР. В связи с подготовкой к этой перепики „С.-К. б." пишет:

„Враждебные элементы пытаются в горских аулах сорвать перепись. Они распустили слух, что после переписи всем верующим предложат отказаться от веры и вступить в союз безбожников. Вражескую вылазку необходимо пресечь в корне. Нужна большая раз'яснительная работа для того, чтобы население знало значение переписи и отвечало на вопросы переписчиков."

Неудивительно поэтому, что данные советских переписей о количестве северокавказского населения не только значительно ниже действительных цифр, но и меньше данных советских налоговых ведомств и других учреждений. Такая же картина и по тем же причинам наблюдалась и при царском режиме.

НОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Северо-Кавказский горский историко-лингвистический институт имени Кирова приобрел в Чечено-Ингушетии рукопись „Блеск горных сабель в некоторых газаватах Шамиля", написанную на арабском литературном языке.

В рукописи описывается период кавказской войны с 1832 года по 1859 год, пребывание Шамиля в плену у русских и смерть его в Аравии в 1870 году. Автор рукописи—один из ближайших друзей и сподвижников Шамиля, Магомет Тагир из Караха.

Институт издает рукопись в переводе на русский язык тиражом в 200 экземпляров. („С.-К. б").*)

*

В чеченском музее имеется 33 письма из переписки Шамиля и его наибов, собранные за последнее десятилетие.

Северо-Кавказский горский историко-лингвистический институт закончил перевод этих писем на русский язык. Письма с соответствующими комментариями выйдут в 1937 году в пятом томе записок института. („С.-К. б".)

*

Государственная публичная библиотека Грузии приобрела ценную рукопись под названием „Материалы для истории Кавказа". Рукопись состоит из двух самостоятельных документов.

Первый документ, озаглавленный „Исторический очерк владычества русских за Кавказом", состоит из трех глав. Первая глава включает: „Взгляд на положение Грузии при последних ее царях, границы и разделение Грузии. Народонаселение и разделение его на состояния, права и обязанности сословий. Доход казны. Законы и системы управления. Причины расстройства благосостояния Грузии."

Вторая глава охватывает эпоху царствования Георгия XIII. Третья — период с учреждения временного правительства до вступления генерала Цицианова в должность главноуправляющего.

Второй документ содержит: „Краткий исторический очерк Грузии и ее положение с 1801 по 1831 год".

Оба документа представляют большую историческую ценность, поскольку они составлены на основе первичных архивных документов лицами, по всем данным, близко стоявшими к управлению Закавкасским краем.

Публичная библиотека Грузии приступает к изучению этой рукописи и к выяснению ее авторов. („З. В.").

ПРИМЕРЫ МУЖЕСТВА

В северокавказской советской печати почти одновременно появились следующие два сообщения:

„Под вечер отару чабана Али Куличаева (колхоз им. Карла Маркса, Караногайского района), стали преследовать волки. Колхозной отаре грозила гибель. Надо было что то предпринимать.

Чабан решился на смелый поступок. Кликнув собак, Куличаев бросился с кинжалом на волков. Звери был голодны и не отступали перед смелым чабаном. Первая собака была разорвана волками на куски, две других—сильно поранены. Однако чабан продолжал сражаться с волками, подвергая свою жизнь опасности. Звери кидались на него, но Куличаев не отступал. Он зарезал трех волков и несколько ранил. Были моменты, когда казалось, что зубы зверя вот-вот сомкнутся на шее чабана, но сильным ударом кинжала Куличаев отводил опасность." („С.-К. б".).

* * *

„Ночью, 4 ноября, в курятник третьей бригады колхоза имени III-го интернационала, селения Карджин, Кировского района, проникла волчица. Услышав шум в курятнике, конюх Бибо Лямов направился к нему и застал там непрошенную гостью. Лямов не растерялся и смело

---

*) На русском языке уже имеется перевод книги того же автора („Три имама"), посвященной также эпохе Шамиля и его двух предшественников: Имамов Кази-Магомета и Гамзат-бека. Обращает внимание незначительный тираж предполагаемого издания. Видно, книга предназначается исключительно для „благонадежных специалистов."—Р-ция.

ринулся на волчицу. Поймав волчицу, он связал ей ноги и морду. Сейчас волчица живет у Лямова."
(„Пр. Ос.").

РУССИФИКАЦИЯ ГОР. ТЕРК-КАЛА

„С.-К. б." пишет:

„С переводом краевого центра в гор. Орджоникидзе связан переезд из Пятигорска свыше 5000 работников краевых учреждений, управлений, трестов центрального подчинения.

Президиум Крайисполкома утвердил план участия краевых учреждений в строительстве служебных помещений и квартир для работников.

Руководители краевых учреждений должны немедленно начать подготовку к строительству—приступить к разработке проэктов и смет, позаботиться о строительных материалах, дать заявки Орджоникидзенскому горсовету на отвод площадок для постройки новых домов и надстроек.

Общая стоимость строительства по плану — свыше 20 миллионов рублей."

Таким образом, свыше 5000 „работников краевых учреждений" со своими семьями, среди которых горцы имеются в количестве, буквально, нескольких человек, должны будут усилить пошатнувшиеся позиции русского населения в Терк-Кала и способствовать новой руссификации города.

ОКАЗАЧИВАНИЕ ВСЕГО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И СОСЕДНИХ РАЙОНОВ ПРОВОДИТСЯ СИСТЕМАТИЧЕСКИ

В одном из прошлых номеров наш сотрудник, г. Магомет Чукуа, представил в обстоятельной статье истинные цели и задачи, которые реализируют большевики, восстанавливая институт казачества у южных рубежей Советского союза. Назначение восстановленного казачества остается прежним. Советские казаки—это, как и в царское время, военно-организованные колонисты, которые должны составлять живую „китайскую стену" империи и противопоставлять себя „беспокойному населению кавказской окраины", с новой силой стремящемуся к восстановлению своей независимости. Новым в советском казачества является лишь то, что в казаки обращается все русское население оказачиваемых районов. Этот вывод, высказываемый г. Чукуа в форме предположения, подтверждается в полном об'еме сегодняшней советской действительностью. К примеру, сейчас на страницах советских газет сплошь и рядом можно встретить выражения вроде: „Казаки героического села Константиновского, Петровского района" или „Казаки станицы Винодельной", относящиеся к населению, которое при царском режиме не входило в состав казачьего сословия. Подобные выражения стали появляться лишь в самое последнее время. Несомненно, такая терминология должна способствовать „психологическому оказачиванию" новоявленных советских казаков, и в этом чувствуется определенная система.

ВЫСОКОГО КАЧЕСТВА МРАМОР ОБНАРУЖЕН В КАРАЧАЕ

„С.-К. б." сообщает:

Черный, с золотистыми и белыми прожилками, чистобелый и серый мрамор найден в горах Карачая у реки Теберды. Запасы огромны. Цветной мрамор, особенно черный с золотистыми прожилками, считается наиболее ценным.

Карачаевское управление местной промышленности сейчас закончило разведки этого мрамора и организует его добычу. На мрамор уже получен заказ от Метростроя и строительства дворца советов в Москве.

С будущего года Карачаевский местпром начинает разработки розового гранита и палевой извести, идущих на облицовку зданий. В Учкекене в 1937 году начнется строительство завода облицовочных плиток."

РАСКОПКИ МОЗДОКСКИХ КУРГАНОВ

В одном из недавних номеров газ. „С.-К. б." напечатано следующее сообщение „собственного корреспондента":

„В Моздоке работает экспедиция Государственной Академии истории материальной культуры.

Экспедицией раскопано несколько курганов, в которых обнаружены редкие исторические ценности, относящиеся ко второму тысячелетию до нашей эры и к первому веку древней эры. Наиболее поздние погребения относятся к XI и XII векам.

* * *

Ваш корреспондент беседовал с начальником экспедиции старшим научным сотрудником Академии истории материальной культуры им. Марра тов. Б. Б. Пиотровским о находках в раскапываемых моздокских курганах.

В беседе тов. Пиотровский сообщил:

— Произведенная уже раскопка курганов показывает большую историческую ценность находок, которые являются весьма редкостными и как предметы и как документы, опровергающие ряд буржуазных расовых теорий.

— Древнейшие находки относятся к „бронзовому веку". В это время еще не было известно о железе.

— Большую ценность также представляют находки, относящиеся к сарматскому времени, т.-е. к первому веку.

— Нами вскрыта могила сарматки. При костяке похороненной найдены глиняные сосуды с остатками пищи, железными вещами (булавка, нож), бронзовые предметы и стеклянные бусы.

— К наиболее поздним относятся погребения XI и XII столетий. Вместе с похороненным человеком найдены деньги, железные стрелы, удила, стремена и другие предметы племен, кочевавших в степи.

— Особую ценность представляют памятники древне-скифской эпохи (VI—VII век до нашей эры). Найденные предметы родственны кавкасским находкам.

— То, что мы нашли данные о пребывании скифов в степной полосе задолго до нашей эры, окончательно разрушает теорию о более позднем переселении скифов на Кавказ.

— Наши находки доказывают, что высоко-культурный народ того времени — скифы—местного происхождения.

— Исключительное значение моздокских курганов об'ясняется еще и тем, что нам представляется возможность одновременно получить исторические находки, которые охватывают сразу промежуток времени, начиная со второго тысячелетия до нашей эры и кончая 12 столетием нашего летоисчисления.

— Что нового мы можем встретить при дальнейшей работе по раскопкам, трудно сказать, но и то, что мы нашли, представляет большую ценность и намного обогатит наши музеи и научную мысль."

Как видим, и эта короткая, к сожалению, корреспонденция о результатах раскопок — в части, подвергнутой нами разбивке, — всецело подтверждает теорию о том, что комплекс народов и племен, близких себе по крови и культуре, известный в древности под собирательным названием „скифов", „сарматов" и т. п., является кавказского происхождения — т. е., иначе, имеет тесную связь с древним населением нагорной полосы Кавказа, которое, в свою очередь, находится в преемственной связи с сегоднешними автохтонами Северного Кавказа. Эта связь неоднократно была подтверждаема и прежними раскопками скифских и сарматских курганов не только Северного Кавказа, но и всего Причерноморья.

Возможно, что ныне советские археологи, вдохновляемые идеей „единого советского народа", в котором „первым среди равных" есть „великий русский народ", попытаются вернуть нас ко временам Карамзина и будут доказывать „славянскость" скифов, утверждая этим теорию о „местном происхождении" русских на Северном Кавказе.

В СОВЕТСКОМ ХАСАФ-ЮРТЕ

„Даг. пр." дает следующую картину порядков, существующих в Хасаф-Юрте:

„Хасаф-Юртовский горсовет (председатель т. Курбанов), плохо заботится о благоустройстве города. Две трети улиц не мощены, стоит непролазная грязь. Коегде не только нельзя пройти, но трудно и проехать.

Вечером негде отдохнуть: в кино — холодно и неуютно. В зале ожидания несколько скамеек, на которых едва уместятся 15—20 человек, остальные 90—100 посетителей должны ждать начала сеанса стоя. В зале имеется стол с журналами. Эти журналы имеют почти годичную давность. С весны начали строить летнее кино, строили все лето, да так и не достроили.

В клубе консервного завода изредка устраиваются вечера и постановки, но там тоже холодно и неуютно.

В городе имеется радиоузел, однако на улице один только репродуктор на против почты, да и тот так хрипит, что ни одного слова не разберешь.

Электростанция освещает город плохо — фонари и электролампочки около домов светят тускло, издали их не видно. Если подойдешь поближе, увидишь только освещенный столб, на котором висит фонарь.

Несмотря на большое количество в городе полуразрушенных домов, требующих недорогого ремонта, квартиру найти почти невозможно. Горсовет, горкомхоз и жакт завалены заявками на квартиры, но вся эта кипа заявлений остается без последствий.

Горсовет совершенно не заботится об окраинных кварталах. Например, в центре города магазины доставляют товары на дом, а в отдаленный поселок „Новые планы", по размерам равный двум третям города, доставлять товары на дом магазины отказываются. Одно время в магазинах была устроена продажа спичек без продавца. Но давно уже этот порядок торговли почему то ликвидирован.

Гостиница—грязная и холодная. Расположена она далеко от вокзала и приезжий с трудом отыскивает ее, прошлепав по грязи около километра. Номера большие и почти не отапливаются. Свет тусклый. А ночлег стоит от 4-х до 7 руб. за койку. О горячей воде или чае нечего и говорить — этого никогда в гостинице не бывает. Буфет постоянно закрыт. В общих девяти и семиспальных номерах белье меняется очень редко. Номера обставлены плохо, например, в № 9 стоит стол, а стула ни одного нет. На столе — графин, а стакана не найдешь. Электрическая лампочка висит так высоко, что при ней нельзя даже почитать.

Дежурные грубы. В номерах они устраивают с жильцами попойки.

Горсовет не занимается вопросами коммунального хозяйства, очевидно, забывая, что в наказе избиратели обращали внимание совета как раз на эту сторону его работы."

КТО СТРОИТ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ДОРОГИ

Мы уже неоднократно писали, что строительство школ и дорог на Северном Кавказе (исключая, конечно, стратегических магистралей), которое большевики ставят в заслугу себе, проводится в действительности руками и средствами самого населения. Ныне, благодаря откровенности „Даг. пр.", мы имеем возможность привести еще один пример такого „советского строительства":

„Заброшенный в горах аул Хлют, Рутульского района, — пишет „Даг. пр." — был отрезан от внешнего мира рекою Самур.

Давно уже мечтали хлютцы о хорошей дороге и мосте через Самур. Когда советская власть проложила дорогу от Ахтов до Рутула, хлютцы решили соединиться с этой дорогой и построить мост. В 2 года была выстроена дорога, а в этом году сельчане приступили к постройке моста. На собранные деньги были куплены рельсы. С огромным трудом, местами на собственных плечах, хлютцы доставили рельсы к месту строительства моста и приступили к работам. Камень, лес, песок — все было заготовлено и доставлено населением. Весь мост, за исключением клепки ферм, требовавшей применения квалифицированного труда, был построен руками населения.

Работали и женщины и старики, не считаясь с трудностями.

Да впрочем и фермы клепал хлютский же кузнец.

И вот, в подарок XIX годовщине октября и с'езду советов, 7 ноября в Хлюте будет торжественно открыт 4-пролетный 80-метровый мост имени тов. Куйбышева через р. Самур."

КУРОРТЫ БАГДАДСКОГО РАЙОНА В ГРУЗИИ

В „Заре Востока" от 16-X-1936 была напечатана следующая заметка о курортах Багдадского района в Грузии:

„Грозные теснины гор, крутые обрывы скал покрыты лесом. Реки белыми нитями тянутся от полосы вечных льдов. Прозрачная Ханис-Цхали бурно пенится, лижет камни, выступающие из русла, и на своем неровном пути образует многочисленные пороги и водопады.

В ранний час, когда подымается ярко-красный диск солнца, громады Кавказского хребта бывают окутаны густым туманом. Облака, похожие на гигантские куски ваты, выползают из-за изгибов скал и быстро исчезают, как бы растворяясь. Туман рассеивается. Открывается изумительная картина ослепительно белых снежных вершин.

Живописен и обилен природными богатствами Багдадский район. Чудесный альпийский пейзаж сменяется кудрявым лесом. К Зекарскому перевалу все меньше становится ровных кусков земли, все больше ущелий и обрывов.

На летних пастбищах пасется упитанный скот, а там, внизу, в ажурной зелени садов, наливаются соком гроздья нежнейшего винограда, под тяжестью плодов гнутся ветки деревьев.

Прекрасные климатические условия, живописная природа и целебные источники привлекают сюда много туристов, отдыхающих и больных.

Одним из замечательных уголков района по праву считается курорт Саирме. Он расположен в Цибларисхевском ущелье, в 26 километрах от Багдади. Первые 7 клм. надо ехать по широкому Зекаро-Абастуманскому шоссе, остальной путь представляет собою горную тропу. Узкой лентой, то подымаясь в горы, то опускаясь в долины, тянется она вдоль шумной реки. Густой хвойный и лиственный лес, мягкий климат, отсутствие ветров и несколько минеральных источников создали в Саирме все условия для здорового отдыха и лечения.

По своему химическому составу источники Саирме имеют много общего с знаменитыми Вильдунгенскими и Контрексевильскими минеральными лечебными водами. Вода источников Саирме очень приятна на вкус, холодна даже в самые жаркие дни, газирована, а самое главное — прекрасно излечивает ряд желудочно-кишечных заболеваний, болезни печени и почек. Суточный дебит трех источников равен 40.000 литров.

На одинаковом уровне с Абастуманом расположен другой не менее известный курорт—Зекари. Горноклиматическая станция, редкой красоты местность и горячие радиоактивные серные источники благотворно действуют на больных, страдающих ревматизмом, кожными заболеваниями, женскими болезнями и др. Ежегодно летом Зекари посещает до 6.000 человек.

В 13 километрах от Багдади находятся Чиргетские минеральные источники. Горячая вода трех источников по своим свойствам приближается к Цхалтубским.

Этим далеко не исчерпываются все целебные источники и курорты района. Кападзевский холодный серный источник, Шубанские и Никабетские минеральные воды, Клибульские кислые воды — все они хорошо известны далеко за пределами Багдадского района."

Если мы учтем, что изобилием целебных источников и климатических станций отличается не только один Багдадский район, но и многие иные районы Грузии, а также районы иных кавказских республик, в особенности Северного Кавказа, то должны будем признать, что в условиях независимого существования лечебные местности нашей страны могут прио-

брести всемирное значение. Богатства и возможности нашего общего отечества — беспредельны. Надо лишь изгнать из наших пределов врага, который лишает наши народы возможности ими пользоваться.

ЛЕСА АЗЕРБАЙДЖАНА

На состоявшейся недавно в Москве сессии Всесоюзной академии с.-х. наук с большим докладом о лесах Азербайджана выступил проф. Виноградов-Никитин, делегат на сессию от научных учреждений гор. Баку. Содержание доклада проф. Виноградова-Никитина излагается „Бак. раб." от 3-X-1936 в следующем виде:

„...Профессор Виноградов-Никитин останавливает внимание участников сессии на лесах Азербайджана. Площадь их здесь необычайно мала: при восьми с половиной миллионах га общей площади Азербайджана только девятьсот тысяч га приходится на леса. Сейчас они расположены лишь на крутых горных склонах. Леса Азербайджана — это массив, прилегающий к Главному Кавказскому хребту и массив по Малому Кавказу и вдоль Ленкоранского побережья.

Докладчик красочно рисует достоинсвта лесов Азербайджана, высокие качества широко распространенного в Ленкоранском районе каштано-лиственного дуба. Это самая быстрорастущая порода среди всех остальных дубов Кавказа и кроме того к ней можно прививать пробковый дуб.

Лучшие американские и европейские дубы выдерживают давление только 600 килограммоз на кв. сантиметр. Ленкоранский каштано-лиственный дуб выдерживает давление в 1000 килограммов—в полтора раза больше!

В Карданянах до сих пор сохранился экземпляр пробкового дуба, привитого на каштано-лиственный. С успехом такая же прививка была повторена на Ленкоранской опытной станции.

Челноки из железного дерева, растущего под Ленкоранью, выдерживают 400 часов непрерывной работы, тогда как челноки из бука всего 120.

Многие азербайджанские породы деревьев имеют мировую известность. Недавно Армения получила семена интересных растений из Америки, в числе их оказалась ленкоранская шелковая акация.

Профессор Виноградов-Никитин переходит к лесам Закатальской зоны. Леса и усадьбы Закатальского района изобилуют грецкими орехами, являющимися не только плодовыми деревьями, но и великолепным материалом для самой изящной мебели.

Посадки орехов в Закаталах имеют свою любопытную историю. С незапамятных времен крестьяне, стесняемые недостатком земли, шли в леса и там украдкой садили орехи, собирая впоследствии богатый урожай. Лесные ореховые посадки переходили из рода в род. Так создавались сплошные лесные ореховые массивы. Необходимо обратить внимание на эти сплошные массивы и отдельные посадки орехов для сохранения и дальнейшего развития этой ценной культуры.

— Не случайно, — замечает профессор Виноградов-Никитин — Форд в рекламе выпуска своих новых автомобилей между прочим пишет, что его автомобиль отделан настоящим кавказским орехом. Можно смело сказать, что это — закатальский орех, ибо среди наших орехов закатальский считается особенно красивым.

Ореховое дерево к тому же быстро растет.

Профессор Виноградов-Никитин подчеркивает огромное значение лесов в субтропиках Азербайджана в качестве защиты почв от разрушительных, так называемых, эрозийных процессов: смыва, выветривания и т. д.

Вторую половину своего доклада профессор Виноградов-Никитин посвящает озеленению степных и полупустынных пространств Азербайджана.

Проблема озеленения здесь облегчается наличием огромной сети оросительных каналов, берега которых — прекрасная почва для посадок. В Нахичевани на оросительных каналах уже выращиваются тополя. Население выработало даже свои особенные методы этого выращивания. Почему этот прекрасный пример не распространить на весь степной Азербайджан? Уже в 10—12 лет тополя дают бревно в человеческий обхват.

А чего стоят возможности обсадки каналов породами деревьев, имеющих противомалярийное значение. Отбор таких растений и посадка их будет иметь огромное значение."

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

— Председателем Бакинского горсовета назначен А. П. Олин — латыш, б. чекист, работавший с 1921 по 1931 год в органах ВЧК — ОГПУ на Северном Кавказе и принимавший, по сообщению биографа из „Бак. раб.", „активное участие в борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе и Закавказье."

— В ближайшее время будет сдан в печать первый том Азерб. советск. энциклопедии. В 55 печатных листов первого тома вошло 2039 слов—статей: от буквы „А" до слова „Антынлар" (течение). Вся энциклопедия рассчитана на 17 томов и включит до 70 тыс. слов — статей.

— Дагсовнарком вынес постановление об издании к 20-летию „пролетарской революции" статистического сборника, освещающего в цифрах „социалистическое строительство Дагестанской АССР." Сборник будет издан управлением народнохозяйственного учета ДАССР. Работы по подготовке сборника к изданию должны быть закончены не позднее 15 мая 1937 года.

— Советские власти решили приступить к эксплоатации источников нарзана в долине реки Чвижепс, которые расположены в 75 клм. от Сочи и в 15 клм. от Красной Поляны, возникшей, как известно, на месте аула Ахчипсоу, где в мае 1864 года закончен был последний акт долголетней героической борьбы Северного Кавказа за свою независимость. Источники Чвижепс уже сейчас дают 50000 литров нарзана в сутки.

— В августе в Терк-Кала скончался Тихилов Бедта, известный в Осетии „керменист" — „герой труда и гражданской войны," согласно характеристики советской печати.

— В Верхней Сванетии, по реке Ингур, у селения Цхомар найден самородок золота весом в полкилограмма. В Азербайджане в Кубинской районе найдены большие залежи мрамора различной окраски. Мрамор высокого качества, легко поддается шлифовке и очень красив.

— В Шапсугии открыт исторический музей. Исключительную ценность в музее представляют коллекции домашней утвари и кавказского оружия XVI и XVII веков. Музеем будет реставрировано несколько горных пещер — мест поселения древних народов, а также знаменитый „дом великана", выточенный внутри громадного камня.

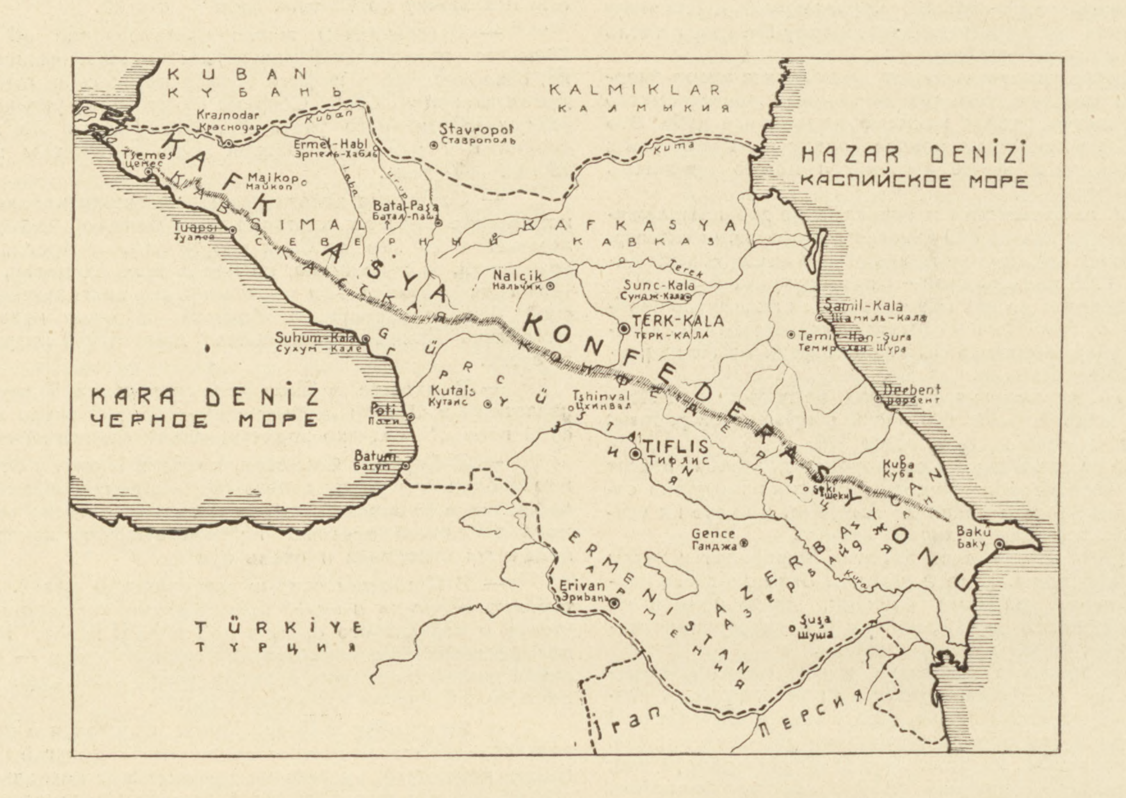
— 28 октября в Цихис-Дзири скончался в преклонном возрасте известный грузинский художник Георгий Габашвили. Кисти покойного художника принадлежит несколько картин, посвященных историческому прошлому Северного Кавказа.*) За свою жизнь Георгий Габашвили написал более 2000 картин, рисунков и этюдов.

*) Несколько картин Г. Габашвили находится в Польше, у г-жи Мостовской, супруги недавно скончавшегося б. польского консула в Тифлисе Мостовского. Среди этих картин имеются картины „Взятие Гуниба", „Сбор винограда в Грузии" и др. Как нам известно, г-жа Мостовская намерена часть картин продать.

Книги, полученные редакцией:

Вано Кавтарадзе — „**На путях к Конфедерации Кавказа**" — Варшава, 1937; 133 стр.

Автор просит нас сообщить, что желающие могут приобрести его книгу у г. В. Атабегишвили: WPan W. Atabegiszwili, ul. Łochowska 38 m. 2, Warszawa-Praga, Pologne.



Mecmuanın müdürü: BARASBİ BAYTUGAN — Редактор журнала: БАРАСБИ БАЙТУГАН

Müdürün adresi — **Odyńca 35, Warszawa (12), Pologne** — Адрес редактора

Mecmua idarehanesinin adresi — 1, Square Léon Guillot, Paris (15), France — Адрес администрации журнала

[illegible] Gr. P. Szwede Warecka [illegible]